

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КОНОНОВ Александр Сергеевич

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
CONTEMPORARY LEVEL OF GERMAN OSTPOLITIK

Выпускная квалификационная бакалаврская работа
по направлению 031900 «Международные отношения»

Научный руководитель –
кандидат исторических наук,
доцент Н. Г. Заславская

Студент:

Научный руководитель:

Работа представлена на кафедру

“ ___ ” _____ 2016 г.

Заведующий кафедрой:

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Восточная политика как концепт внешней политики ФРГ.....	9
Глава 2. Российское направление восточной политики ФРГ на современном этапе.....	20
1. Коалиционные договоры как основа российско-германских взаимоотношений.....	20
2. Политический диалог между Россией и Германией: упор на сферу безопасности и демократические преобразования.....	23
3. Экономические связи между Россией и ФРГ как равнозначный элемент восточной политики.....	34
4. Особая роль энергетики в двусторонних отношениях ФРГ и РФ с точки зрения концепции восточной политики.....	39
Глава 3. Восточное партнерство ЕС как составляющая концепции Ostpolitik.....	45
1. Молдавия, Грузия, Украина: авангард Восточного партнерства.....	48
2. Армения и Азербайджан: переход к особым отношениям с ЕС.....	53
3. Белоруссия: упор на необходимость демократических преобразований.....	57
Заключение.....	60
Список использованной литературы и источников.....	66

Введение

Германия как национальное государство, занимающее срединное положение в Европе, обладала и обладает одним из ключевых мест в системе международных отношений, выстраиваемых между странами, расположенными географически в данном регионе. С момента объединения в XIX в. разрозненных немецких княжеств в единое политическое образование высшие политические фигуры в европейских государствах пытались выстроить концепцию существования новой, сильной Германии в условиях тесного сосредоточения различных стран на пространствах Старого Света. Аналогичные процессы протекали и среди самой немецкой элиты, которая выбирала вектор своей внешней политики в отношении наиболее важных в изменившихся условиях для страны регионов. Послевоенное создание Федеративной Республики Германия, чей Основной закон был принят в 1949 г., и дальнейшее оформление политических институтов в новой, биполярной обстановке не стали тому исключением.

Современная политическая система Германии, имея многочисленные корни еще во времена О. фон Бисмарка, является непосредственной преемницей и продолжительницей именно периода существования ФРГ с 1949 - 1990 гг., где факт объединения не стал в своем роде радикальным поворотным моментом для возникновения отличной от предыдущей системы политического регулирования. Многие базисы, концепты, видения и методики проведения курса в жизнь являются лишь развитием тех основных идей, которые определялись и выкристаллизовывались в послевоенное время. Данное положение, стоит сказать, применимо как к вопросам внутренней, так и внешней политики. В рамках последней особое место занимала проблема определения базовых и основополагающих направлений, которым должна была быть отведена особая роль в категориях соответствия национальным интересам государства. Биполярность мира и начало Холодной войны, разделение Германии на два государства с кардинально противоположными идеологическими режимами, где ФРГ служила своеобразным аванпостом Западного лагеря стран, послужили тому, что трансатлантический вектор внешней политики, сформировавшись в вышеозначенных условиях, не мог не играть ведущей роли. Вторым жизненно важным направлением стала европейская политика, подразумевавшая совместные усилия, изначально ограниченного числа государств Западной Европы, по поступательному выстраиванию конструкта единого интеграционного объединения, обещавшего стать залогом мира и развития Старого Света. При этом оба данных направления были тесно взаимосвязаны и переплетены, работая зачастую на совершенствование и видоизменение друг друга.

Однако такая картина во многом приводила к однобокому восприятию окружающего мира, где все основные силы были обращены на запад, оставляя восточное направление слабоосвещенным в плане внешнеполитического взаимодействия. Данному положению дел первоначально способствовала определенная логика, в первую очередь, заключающаяся в оформлении ФРГ как неотъемлемого союзника западных держав и ее утверждении на этих позициях, но постепенно, сообразуясь с фактическими изменениями внешней среды, стало абсолютно ясно, что пресловутое срединное положение Германии, даже разделенной на две противоборствующие части, требует дополнения набора региональных направлений восточным крылом в тех же границах европейского континента. В 60-70-х гг. XX в. зарождается тот фундамент идей, который впоследствии получит название Ostpolitik и который первоначально будет рассматриваться в тесной связке с вопросом объединения Германии.

Данное исследование в качестве своего объекта останавливается именно на векторе восточной политики Германии, проводимой ею на современном этапе, который ограничен рамками нахождения А. Меркель на посту федерального канцлера, то есть периодом с 2005 г. по настоящее время. Предметом же исследования выступает концептуальная наполненность и идейность восточного внешнеполитического направления, определяемая в категориях, обладающих высокой степенью важности для современной политической элиты, а также их развитие за вышеозначенный период. Относительно временных рамок необходимо отметить, что таковые были выбраны на основании положения о необходимости проведения верифицируемого анализа, базирующегося на нужном объеме фактологического материала, а также по причине возможности рассмотрения преобразования содержательного наполнения данной политики через призму изменений, происходящих в условиях более-менее однородной политической элиты, находящейся в этот период у власти. При этом однородность не подразумевает полное сходство взглядов богатой партийной палитры Германии в вопросах восточной политики, а несет в себе смысл близкой и последовательно воплощаемой идейности, внутренне согласованной внутри каждой из трех коалиций, находившихся за этот период у власти. Иными словами, смена коалиций была одним из факторов, отражавшихся на определенных изменениях восточного внешнеполитического курса, однако результат деятельности предыдущего правления неизменно служил платформой для последующих преобразований, тем самым сохраняя в себе концептуальный базис.

Актуальность исследования обуславливается степенью важности взаимоотношений Германии и стран, входящих в современное понимание вектора восточной политики ФРГ (Россия, страны Восточного партнерства ЕС), проявляющаяся в их взаимовлиянии друг на друга и определении характера и итога протекающих в Европе процессов, способных отразиться, в конечном счете, на региональной системе взаимоотношений в целом. К тому же данный труд исследует уместность применения концептуальных начал восточной политики касательно событий, происходящих в настоящее время, а также рассматривает вопрос когерентности и внутренней согласованности анализируемого вектора внешней политики в отношении различий между его составляющими.

В качестве цели данной работы было выбрано определение и выявление основной сущности идейного конструкта восточной политики ФРГ на современном этапе, претерпевающего развитие и видоизменение под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Достижение поставленной цели осуществляется посредством постановки и решения промежуточных задач, суть которых может быть сведена к следующему:

1. определение фундаментальных составляющих восточной политики с момента ее формирования как внешнеполитического концепта и выяснение уместности применения ее идейных составляющих применительно к современному видению ситуации;
2. раскрытие пути имплементации концепта восточной политики на протяжении сроков правления нескольких коалиций под руководством А. Меркель, подкрепленное фактологическим обоснованием идейного компонента;
3. выявление внутренней гомогенности восточной политики как отдельного внешнеполитического направления при одновременной оценке степени различия между отдельными региональными составляющими, формирующими данный концепт;
4. определение уровня развития восточного вектора внешней политики ФРГ в настоящее время как единого направления, так и совокупности каждой из его составляющих на примере рассмотрения российско-германских отношений и Восточного партнерства ЕС.

При проведении исследования был произведен выбор методологических инструментов, наиболее точно соответствующих содержательному аспекту осуществленной работы. К этому ряду, в первую очередь, может быть отнесен анализ событий, ставших непосредственным наполнением курса правительства А. Меркель по претворению в жизнь

концептуальной основы восточной политики. На основании изучения широкого круга релевантной литературы и источников была выстроена картина, способствующая формированию единого представления об идеях, которые преследует высшая немецкая политическая элита. Благодаря применению метода синтеза и опоре на полученные фактические данные была проведена генеральная линия, отличающая современное представление о восточной политике ФРГ, где ясно прослеживаются намерения и устремления, которые должны стать результатом ее исполнения. Вдобавок, с помощью метода исторических аналогий удалось отразить момент сущностного сохранения концепта восточной политики, несмотря на его континуальное и темпоральное развитие, где идеи не были элиминированы и вытеснены за своей ненужностью, а наоборот, фактически трансформированы и дополнены в новых условиях.

При этом библиографической основой данной работы в целом выступил широкий набор источников и литературы как отечественного, так и иностранного характера. В ходе написания первой главы, посвященной определению основных идей и составляющих восточной политики упор делался на изучение монографий таких авторов, как Б. Ротер¹, Й. Клейтерс², А. Питтман³, Ф. Фишер⁴ и Й. Данненберг⁵, совместно с обращением к трудам самого В. Брандта⁶ в качестве источника. Вторая глава, в которой исследуется вопрос российско-германского сотрудничества на современном этапе, наряду со статьями Дж.

¹Rother B. Willy Brandts Außenpolitik / B. Rother - Wiesbaden: Springer, 2014. - 367 s.

²Kleuters J. Between Continuity and Change: Ostpolitik and the Constructivist Approach Revisited / J. Kleuters // German Politics. - 2009. - № 18 (4). - P. 519-535.

³Pittman A. From Ostpolitik to Reunification: West German-Soviet Political Relations / A. Pittman - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - 248 p.

⁴Fischer F. Im deutschen Interesse: Die Ostpolitik der SPD von 1969 bis 1989 / F. Fischer - Husum: Matthiesen Verlag, 2001. - 460 s.

⁵Dannenberg J. The Foundations of Ostpolitik: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR / J. Dannenberg - Oxford: OUP Oxford, 2008. - 260 p.

⁶Brandt W. Koexistenz – Zwang zum Wagnis / W. Brandt - Stuttgart: Deutsche Verlag, 1963. - 114 s.

Йодер⁷, Т. Форсберга⁸, Х. Адомайта⁹, В. Патерсона¹⁰, С. Майстера¹¹, Н.В. Павлова¹², В.Б. Белова¹³ базируется на обращении к официальным сайтам, отображающим состояние отношений Берлина и Москвы¹⁴, а также предоставляющим статистические данные, характеризующие их¹⁵. Рассмотрение же вопроса взаимосвязи Восточного партнерства ЕС и концепции *Ostpolitik* в третьей главе, сопряженное с разбиением стран, участвующих в данном проекте в зависимости от их успеха на пути трансформации, требует, в свою очередь, исследования факта освещения данной тематики в каждом отдельном случае: в разделе относительно Молдавии, Украины и Грузии это научные статьи Л. Делкур¹⁶, П. Хавлика¹⁷, В.К. Влаха¹⁸, Азербайджана и Армении - М.Е. Вардазаряна¹⁹, Белоруссии - Е.А. Коростелевой²⁰. Вдобавок, данная работа обращается к официальным сайтам Министерства иностранных дел ФРГ²¹, Федерального канцлера ФРГ²², Федерального

7^{Yoder J.A. An Intersectional Approach to Angela Merkel's Foreign Policy / J.A. Yode // German Politics. - 2011. - № 20 (3). - P.360-375.; Yoder J.A. From Amity to Enmity: German-Russian Relations in the Post Cold War Period / J.A. Yoder // German Politics & Society. - 2015. - № 33 (3). - P. 49 - 69.}

8^{Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia / T. Forsberg // Internatioinal Affairs. - 2016. - № 92 (1). - P. 21 - 42.}

9^{Adomeit H. German-Russian Relations: Balance Sheet since 2000 and Perspectives until 2025 / H. Adomeit - Bruxelles: Comité d'études des relations franco-allemandes, 2012. - 36 p.}

10^{Paterson W.E. Foreign Policy in the Grand Coalition / W.E. Paterson // German Politics. - 2010. - № 19 (3-4). - P. 497 - 514.}

11^{Meister S. Entfremdete Partner: Deutschland und Russland / S. Meister // OSTEUROPA. - 2012. - № 62. - S. 475-484.}

12^{Павлов Н. Москва-Берлин-Брюссель: от трилатерализма к билатерализму? / Н. Павлов // Современная Европа. - 2014. - № 4 (60). - С. 106-110.}

13^{Белов В.Б. Российско-германские отношения перед выборами в Бундесдаг / В.Б. Белов // Современная Европа. - 2013. - № 2 (54). - С. 6-19.}

14^{Петербургский диалог. История форума [Электронный ресурс]: офиц. сайт форума гражданских обществ России и Германии. - URL: <http://petersburger-dialog.ru/home/istoriya.html> (дата обращения: 25.03.2016)}

15^{Ölimporte und Rohölproduktion in Deutschland. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [Электронный ресурс] : офиц. сайт Министерства экономики и энергетики ФРГ. - U R L : <http://m.bmwi.de/DE/Themen/energie,did=159668.html> (accessed 02.04.2016).}

16^{Delcour L. Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership / L. Delcour // East European Politics. - 2013. - № 29 (3). - P. 344-357.}

17^{Havlik P. Vilnius Eastern Partnership Summit: Milestone in EU-Russia Relations--Not Just for Ukraine / P. Havlik // Danube: Law and Economics Review. - 2014. - № 1. - P. 21-51.}

18^{Влах В.К. Проект «Восточное партнерство»: проблемы и перспективы развития на современном этапе / В.К. Влах // Власть. - 2015. - № 2. - С. 25-32.}

19^{Вардазарян М.Е. Республика Армения перед выбором между новыми инициативами Российской Федерации и «Восточным партнёрством» Евросоюза / М.Е. Вардазарян // Вестник МГИМО Университета. - 2014. - № 1. - С. 31-36.}

20^{Korosteleva E.A. The European Union and Belarus: democracy promotion by technocratic means? / E.A. Korosteleva // Democratization. - 2016. - № 23 (4). - P. 678-698.}

21^{Die Östliche Partnerschaft [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2016. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Europa/Erweiterung_Nachbarschaft/Nachbarschaftspolitik/Oestliche%20Partnerschaft_node.html (accessed 16.04.2016).}

22^{Summit meeting in Warsaw: Supporting democratic reforms [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федерального канцлера ФРГ, 2011. - URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/EN/Archiv17/Reiseberichte/pl-polen-merkel-demokratische-reformen.html> (accessed 16.04.2016).}

правительства ФРГ²³ в качестве источников и к определенной выборке средств массовой информации, представленной немецкой²⁴ и международной²⁵ прессой. Именно за счет этого достигается основная цель исследования и разрешаются задачи, поставленные в его начале.

23[□] Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz [Электронный ресурс] : офиц. сайт Федерального правительства ФРГ. - URL : <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2015/02/2015-02-07-merkel-sicherheitskonferenz.html> (accessed 27.03.2016).

24[□] Müller P. Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/g20-gipfel-merkel-wirft-putin-wegen-ukraine-expansionsstrebenvor-a-1003107.html> (accessed 27.03.2016).; Wittrock Ph. Merkel-Besuch in Chisinau: Auf ein Gläschen nach Moldau [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2012. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/merkel-in-moldau-ringen-um-den-transnistrien-konflikt-a-851524.html> (accessed 11.04.2016).

25[□] Ewing J., Smale A. In reversal, Germany cools to Russian investment [Электронный ресурс]: The New York Times, 2014. - URL: http://www.nytimes.com/2014/12/29/business/international/in-reversal-germany-cools-to-russian-investment.html?_r=0 (accessed 30.03.2016).; Siemens CEO meets Putin and commits company to Russia [Электронный ресурс]: Financial Times, 2014. - URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6d774238-b506-11e3-a746-00144feabdc0.html#axzz45fCe9I8b> (accessed 30.03.2016).

Глава 1. Восточная политика как концепт внешней политики ФРГ

Идейная составляющая восточнополитического вектора внешней политики явилась непосредственным продуктом биполярной системы, где мир, в общем плане, был разделен на два непримиримых и противоборствующих друг с другом лагеря, а ФРГ являлась частью Западной демократической системы. Данная направленность и являлась одной из базовых причин перехода немецкой политической элиты к проведению такого курса, чья суть может быть сведена в итоге к постепенному разрушению железного занавеса стран коммунистического блока и установлению определенного уровня связей между двумя полюсами миросистемы. Однако, будучи творением немецкой политической мысли, концепт *Ostpolitik* неминуемо нес в себе и особенности, характерные и представляющие особый интерес именно для Германии, несмотря на свою внутреннюю заостренность в отношении глобальной цели сближения блоковых государств.

Отцом и своеобразным автором базовых категорий, лежащих в основе понятия "восточная политика" выступил федеральный канцлер В. Брандт, занимавший данный пост с 1969 г. по 1974 г., но сам феномен *Ostpolitik* стал формироваться задолго до непосредственного вступления В. Брандта в эту должность, в тот период, когда он еще являлся правящим бургомистром Берлина (1957 - 1966 гг.). Находясь в гуще событий, обусловленных одним из наиболее острых кризисов европейской региональной системы того времени, грозивших обернуться открытым военным противостоянием непримиримых идеологий и разворачивавшихся вокруг положения послевоенного Берлина, разделенного на части, В. Брандт уже в тот момент определил для себя необходимость перехода от явной конфронтации режимов к умеренному на первых порах и рациональному сотрудничеству в интересах европейских держав и мира в целом.²⁶

Стоит отметить, что политика К. Аденауэра, занимавшего пост федерального канцлера в 1949 - 1963 гг. и представлявшего блок ХДС/ХСС, преследовала первоначально иные цели, направленные на утверждение ФРГ как ответственного и надежного партнера и союзника западных держав в вопросе противостояния коммунистическим режимам

²⁶Rother B. Willy Brandts Außenpolitik / B. Rother - Wiesbaden: Springer, 2014. - 367 s.

Востока.²⁷ Прямое соприкосновение с ГДР и стремление представлять интересы всех немцев единолично от лица Бонна налагали на существующую ситуацию особый оттенок конфронтационности и борьбы. Трансатлантический вектор внешней политики занимал с момента образования ФРГ в 1949 г. не просто главенствующее, но доминирующее и довлеющее положение, сводившееся к особой роли отношений с США и остальными западными державами, где другие направления служили своеобразным дополнением на пути утверждения демократических ценностей и ведущих институциональных структур. Так, в 1955 г. ФРГ в качестве полноправного члена вошла в Организацию Североатлантического договора, что стало возможным по итогам подписания Парижских соглашений годом ранее, которые отменяли оккупационный режим Великобритании, Франции и США, а также участвовала в начавшемся в этот же период процессе европейской интеграции, став одной из сторон Парижского (1951 г.) и Римского (1957 г.) договоров. По отношению же к странам коммунистического мира был выбран курс так называемой "политики силы"²⁸, в полной мере проявившийся в ходе переговоров, предшествовавших установлению дипломатических отношений между ФРГ и СССР, где немецкая сторона ставила в прямую зависимость вопрос потенциального сотрудничества в торговой и экономической сферах от согласия советской партэлиты скорейшим образом рассмотреть проблемы объединения Германии.

Вследствие этого именно социал-демократам в лице В. Брандта и его многолетнего соратника по партии и политического помощника Э. Бара удалось выровнять определенную однобокость внешней политики ФРГ, дополнив ее восточным вектором, имевшим значительный вес. При этом необходимо понимать, что, как и у христианских демократов особые трансатлантические отношения, *Ostpolitik* несла в себе явную конечную цель исправления несправедливости послевоенного миропорядка, а именно упразднение состояния разделенности единой немецкой нации и восстановление ее сплоченности.²⁹ Острая реакция со стороны Советского Союза на Берлинский кризис 1961 г., вызвавшая к жизни впоследствии столь ненавистную для каждого жителя Западного Берлина стену, отделявшую его от внешнего мира, и состояние разогретости отношений на европейском континенте, грозившее вылиться в очередной военный конфликт, где

27 Kleuters J. Between Continuity and Change: Ostpolitik and the Constructivist Approach Revisited / J. Kleuters // German Politics. - 2009. - № 18 (4). - P. 519-535.

28 Blasius R. Von Adenauer zu Erhard: Studien zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland 1963 / R. Blasius - München: R. Oldenbourg Verlag, 1994. - 222 s.

29 Pittman A. From Ostpolitik to Reunification: West German-Soviet Political Relations / A. Pittman - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - 248 p.

Германия в очередной раз оказалась бы в самом сердце опустошения и разрушения, говорили В. Брандту о необходимости отказа от конфронтационной линии в адрес стран советского блока, оформленного в 1955 г. Варшавским договором, и своевременности перехода к более гибкому курсу установления непосредственных взаимоотношений.

Впрочем, рождение концепта восточной политики может быть рассмотрено и через призму континуитета и последовательности внешней политики ФРГ как единого неразрывно существующего целого с момента своего послевоенного основания.³⁰ Начиная с 1949 г. социал-демократы в целом отрицательно относились к политике христианских демократов, направленной на выстраивание тесных союзнических связей с Западом, предпочитая оставаться на позициях нейтрализма и не ущемлять различные внешнеполитические направления в пользу какого-то конкретного вектора. К. Аденауэр настаивал на утопичности данных идей, их неспособности привести к конечному воссоединению Германии, если таковое не будет подкреплено значительным уровнем поддержки со стороны западных держав, который может быть обеспечен лишь посредством создания образа новой, демократической Германии, способной стать надежным гарантом мира и безопасности на континенте. Постепенно, под влиянием, в том числе, внешних условий, к числу которых может быть отнесена пресловутая острота кризисных отношений со странами коммунистического режима, СДПГ вобрала в набор своих базовых установок существование ФРГ на позициях неотъемлемой части Западного мира, каковое положение дел было публично озвучено Г. Венером в 1960 г. Однако аналогичный процесс протекал и в обратном направлении, приводя блок ХДС/ХСС к мысли о неизбежности развития отношений, граничащих с уровнем сотрудничества в отдельных областях, с коммунистическими государствами, так как ясность зависимости разрешения вопроса объединения Германии не только от западных союзников, но и от участия СССР, представлявшего противоположный лагерь, становилась очевидной и определенной, тем самым постулируя взаимовлияние двух лежащих по разные стороны политического мышления идей.³¹

Однако вне зависимости от угла зрения на начало претворения в жизнь основных характеристик восточной политики стоит признать, что перемены, произошедшие в сфере внешних отношений ФРГ, были вызваны деятельностью именно В. Брандта, что важным

³⁰ Cordel K., Wolff S. A Foreign Policy Analysis of the "German Question": Ostpolitik Revisited / K. Cordel, S. Wolff // Foreign Policy Analysis. - 2007. - № 3 (3). - P. 255-271.

³¹ Anthon C. Adenauer's Ostpolitik 1955 - 1963 / C. Anthon // World Affairs. - 1976. - № 139 (2). - P. 112-129.

образом подчеркивается воззрениями на данные трансформации как на своего рода революционный процесс, несмотря на определенную преемственность курса. Будучи еще правящим бургомистром Берлина, В. Брандт сформулировал концепцию мирного наступления, или политику мирных изменений, в своей идейной основе противоположную политике силы К. Аденауэра. С самых первых своих лет на данном посту В. Брандт стал выступать за установление переговорного процесса и политических отношений со странами Восточного блока, при этом их характер и степень развитости должна была быть ограничена лишь реальной обстановкой времени и интересами ФРГ. Логическая выкладка заключала в себе убеждения относительно того, что такая интенсификация контактов способна привести к старту процессов трансформации другой стороны, то есть коммунистических государств, и вызывала к жизни концепции проникновения западного мира за железный занавес. Правда, правящий бургомистр отмечал, что такой шаг неминуемо связан с наличием определенной доли риска, так как одностороннее снятие ограничений и открытие миру невозможно в рационально-реалистическом представлении о международных отношениях, а следовательно, сторона влияния, то есть Западный мир, в свою очередь, также подвергнет себя возможности воздействия и неизбежно столкнется с необходимостью защиты продвигаемых ей самой ценностей.³²

В целом же, обращение к стратегии вышеозначенного "мирного наступления" непосредственным образом было определено реакцией советской системы на вмешательство извне в дела и события коммунистического мира. Силовое подавление восстаний в Берлине (1953 г.) и в Польше (1956 г.), а в особенности восстания в Венгрии в 1956 г. привели В. Брандта к мысли об отказе от прямой реакции со стороны западных государств в виде оказания финансовой или военной помощи оппозиции, так как потенциальное развитие событий в данном русле могло поставить на кон мирное существование в Европе и привести к очередному конфликту, в который было бы вовлечено большое число государств.³³ Решимость Советского Союза, окончательно подтвержденная им в ходе событий Пражской весны 1968 г. и вызвавшая к жизни так называемую Доктрину Брежнева, заключающуюся в предоставлении неоспоримой возможности СССР следить за соблюдением партийного курса в коммунистических государствах Центральной и Восточной Европы и ввиду малейшего отклонения от генеральной линии вмешиваться в их внутренние дела, включая военный способ, грозила

³² Brandt W. Koexistenz – Zwang zum Wagnis / W. Brandt - Stuttgart: Deutsche Verlag, 1963. - 114 s.

³³ Fink C., Schaefer B. Ostpolitik, 1969-1974: European and Global Responses / C. Fink, B. Schaefer - Cambridge: Cambridge University Press, 2011. - 322 p.

законсервировать раскол Европы в случае сохранения политики давления и ультиматумов в адрес восточного блока.

Исходя из значимости вышеописанных положений В. Брандтом и Э. Баром была разработана политика "малых шагов", которая в общих чертах и лежала в основе концепции *Ostpolitik*. Суть ее сводилась к понятию трансформации и теории конвергенции, которые последовательно запускались в действие через механизмы установления экономических и торговых связей с государствами Восточного блока, активизации культурных и гражданско-общественных связей, раскрывавших для закрытого лагеря коммунистических государств новый мир. В. Брандт не сомневался в привлекательности западных ценностей и свобод по сравнению с однобокостью режимов советского блока и уповал на процессы логичного и последовательного развития индустриального общества, где сильную роль должен был играть средний профессиональный класс. Пресловутая прослойка общества, по его мнению, состоящая из индивидуумов, обладающих высокой степенью образования и производственного мастерства, за счет открытия возможности человеческих контактов и взаимодействий по обе стороны железного занавеса, была способна постепенно осознать свою необходимость в демократическом реформировании общественно-политической структуры, утверждении базовых свобод и человеческих ценностей, ведущих ортодоксальные коммунистические режимы к неминуемым изменениям в сторону своей либерализации.³⁴

При этом важно отметить тот факт, что концепция демократизации стран советского блока не сводилась к исключительному торжеству западных либеральных ценностей, где трансформируемые общества, подвергаясь такому воздействию, должны были автоматически перенять политическую структуру по аналогии с той, что существовала на Западе. В. Брандт подчеркивал, что данный процесс не отменяет саму суть сохранения национальных характеристик и особенностей, а наоборот, позволяет им наиболее полно развиваться в условиях создаваемой свободы и разнообразия; но эти культурные и национальные отличия в то же время не нивелируют потенциал тесного взаимодействия и возможного объединения европейских государств на основе близких друг к другу демократических структур.³⁵

³⁴Noack A. The "Ostpolitik" of the Social-liberal Coalition / A. Noack - Norderstedt: GRIN Verlag, 2003. - 28 p.

³⁵Fischer F. Im deutschen Interesse: Die Ostpolitik der SPD von 1969 bis 1989 / F. Fischer - Husum: Matthiesen Verlag, 2001. - 460 s.

Дополнительным фактором успешности и устойчивости претворения в жизнь теории конвергенции должен был стать факт отказа от проведения политики открытой поддержки вышеупомянутых оппозиционных сил, расшатывавших социальную обстановку в коммунистических странах, уже не только по причине опасности перерастания поддержки таких выступлений в явное противостояние государств, но и ввиду пагубности таких действий для существования самих антисоветских сил, так как иностранное участие в их функционировании могло быть сочтено правительствами государств Восточного блока веским поводом для начала кампании по их элиминации и уничтожению. В таком случае вопрос мирной трансформации режимов мог быть на первых же порах поставлен под сомнение, а примат ортодоксального коммунизма только усилен, вынуждая официальные правительства полностью отойти от реформистского пути. Несмотря на заявление Э. Бара, утверждавшего, что факт возведения Берлинской стены являлся сам по себе признанием со стороны коммунистического мира своей слабости и страха перед собственной незащищенностью относительно возможных изменений³⁶, В. Брандт не считал целесообразным усиливать данную фобию искусственным вмешательством извне. Согласно его замыслам, контакты напрямую с представителями партийной номенклатуры, ведение консультативной деятельности, основанное на противопоставлении радикальным позициям и воззрениям, на которых в большинстве своем стояли оппозиционные силы, способны позволить Западному миру упираться на необходимость плавности пути развития коммунистической идеологии в сторону большей демократизации ("малые шаги"), осуществление которого впоследствии поставит официальную власть перед лицом продолжения начатых изменений, так как на этой стадии само общество, как и говорилось ранее, будет производить целеполагание дальнейшего пути реформ.

Особое место развитию технологических и экономических связей в рамках осуществления теории конвергенции как полноценной составляющей восточной политики ФРГ уделялось вследствие того, что сам В. Брандт являлся активным сторонником теории функционализма, разработанной английским исследователем Д. Митрани.³⁷ Последний, в свою очередь, исходил из положений, заключавших мысль о том, что установление определенных связей в конкретных сферах и областях (в первую очередь, речь шла о научно-техническом и экономическом сотрудничестве как об элементах пересечения

³⁶ Maul C. Egon Bahr und die Ostpolitik der sozialliberalen Koalition / C. Maul - Stuttgart: Universität Stuttgart, 2004. - 36 s.

³⁷ Авдеенко Е.Г. Концепция «европейского мирного порядка» В. Брандта / Е.Г. Фвдеенко // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 36 (327). - С. 73-79.

интересов различных государств, где компромисс и соглашение наиболее четко достижимы) способствует запуску механизма интеграции, который, стартовав в узко профилированной сфере, постепенно распространяет свое влияние на весь комплекс межгосударственных отношений в целом. В отдаленной перспективе на основании этих взглядов В. Брандту виделся такой результат функциональной кооперации, как потенциал политической интеграции. Стоит отметить, что данная логика полностью соответствовала процессу европейской интеграции, где экономическая сфера с самого начала занимала ведущее положение, а в период начала осуществления концепта *Ostpolitik* стали возникать одни из первых разговоров о возможности старта валютного этапа интеграции. Тем самым создавался задел для расширения идеи европейской интеграции в масштабах единой Европы, не ограничиваясь членством западноевропейских стран, составлявших ядро такой структуры.³⁸

Учитывая важность восточноевропейских и центральноевропейских стран для осуществления вышепредставленной идеи, данные государства всегда лежали в ядре основной мысли восточной политики.³⁹ Весь свой срок пребывания в должности федерального канцлера В. Брандт своими действиями демонстрировал тот факт, что *Ostpolitik* не может быть сведена исключительно к разрядке отношений с Москвой, фактически являвшей центром политических решений в рамках восточного блока государств и рождавшей ложное представление о том, что взаимодействия с одним СССР может быть достаточно для начала проведения комплексных реформ во всем блоке. Вопреки такому мнению В. Брандт понимал всю сложность и долговременность трансформационных процессов, которые должны были затронуть Советский Союз и его институты, и поэтому приоритетным направлением делал взаимодействие и контакты с правительствами тех коммунистических стран Восточной Европы, которые наиболее определенно проявляли свою готовность приступить к требуемым изменениям.⁴⁰ Первоначально таковыми являлись Польша при В. Гомулке, Чехословакия при Г. Гусаке и Югославия (которая не входила в Организацию Варшавского Договора) при И.Б. Тито. Примером масштабности и важности проводимых переговоров и выстраивания двусторонних контактов может послужить подписание Варшавского договора между ФРГ

³⁸ Mitrany D. The Functional Theory of Politics / D. Mitrany - London: School of Economics & Political Science, 1976. - 294 p.

³⁹ Villaume P., Westad O. Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War, 1965-1985 / P. Villaume, O. Westad - Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2010. - 272 p.

⁴⁰ Кузнецова Е.С. Вилли Брандт и проблема примирения ФРГ со странами Восточной Европы в 1970-е годы / Е.С. Кузнецова // Белые пятна российской и мировой истории. - 2012. - № 1. - С. 114-124.

и Польшей в 1970 г., статьи которого содержали в себе положения касательно предоставления финансовых кредитов польскому правительству, набора торговых привилегий и открытию каналов технического и научного сотрудничества, посредством которых польское общество становилось все в большую зависимость от западногерманских поставок.⁴¹

Отношения же с Москвой в логике концепта восточной политики служили второй, фактически являвшейся равной по значимости цели - воцарение мира в Европе в долгосрочной перспективе и недопущение тех бедствий и разрушений, которые принесли с собой две предыдущие мировые войны. Процесс запуска *Ostpolitik* непосредственным образом совпал с фактом подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1973 - 1975 гг., а сами два эти направления деятельности явились взаимодополняющими друг друга факторами, где одна идейная установка вытекала из другой.⁴² Установление личных контактов В. Брандта и Л. Брежнева, заключение в 1970 г. Московского договора между ФРГ и СССР, в основе которого лежала одна из главных мыслей, проводимых в то время федеральным канцлером, а именно, отказ от применения силы в отношениях между государствами, стали возможными только в результате проведения западногерманской политической элитой нового курса по отношению к странам Восточного блока. Политика "*Wanderung durch Annäherung*" ("изменение через сближение") напрямую служила идее перевода обоюдного существования и соревнования между двумя противоположными идеологиями в мирное русло, что обеспечивало определенную долю безопасности в ядерный век.⁴³

При этом уже в то время рождалась идея построения единой европейской системы безопасности, объединявшая в себе совершенно различные варианты относительно своего претворения и внимание которой уделял Э. Бар, сопрягая ее с восточной политикой. Новизна и перспективность ее осуществления проявлялась в формулировках трех различных концепций, где каждая из таковых исходила из процесса скорости планируемых преобразований. Наиболее скромной в ожиданиях являлась Концепция А, в рамках которой должен был обсуждаться лишь вопрос снижения числа развернутых на

41¹Newnham R. Economic Linkage and Willy Brandt's Ostpolitik: The Case of the Warsaw Treaty / R. Newnham // German Politics. - 2007. - № 16 (2). - P. 247-263.

42¹Васильев В.И. Вилли Брандт и Россия / В.И. Васильев // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2013. - № 9 (284). - С. 115-127.

43¹Dannenberg J. The Foundations of Ostpolitik: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR / J. Dannenberg - Oxford: OUP Oxford, 2008. - 260 p.

европейском континенте вооружений и их дальнейшее ограничение. Концепция В включала в себя уже такой смелый шаг, как роспуск двух противоборствующих блоков и создание на их месте общего форума европейской безопасности как своеобразного символа единства. Концепция С, в свою очередь, исходила из менее всего осуществимых условий, при которых США и СССР должны были быть выведены из структур европейской безопасности, а бразды правления перейти при этом в руки европейских государств. Стоит еще раз отметить, что такие преобразования в вопросах безопасности, даже ограниченные лишь идейным полем, стали возможны лишь в условиях проведения курса восточной политики, буквально ломавшей барьеры между Западом и Востоком.⁴⁴

Укрепление позиций восточной политики позволило фактически перейти к возникновению такой концепции, как *Neue Ostpolitik*⁴⁵, которая зафиксировала в себе основной набор характеристик, присущих предыдущему этапу, и окончательно развила ту базу идей, на которую в настоящее время опирается немецкая политическая элита в своем взаимодействии с восточными соседями Евросоюза. В последние годы своего канцлерства В. Брандт все более часто стал говорить о том, что возвращение Германии к идее своей национальности уже невозможно в категориях, которые были развиты ранее, тем самым в открытую призывая задуматься над более глобальной структурой объединения, содержащей в себе как можно большее количество европейских государств. В этот период окончательно закрепляется взаимосвязь восточной политики с идеей европейской архитектуры как гаранта безопасности Европы, в том числе и от самой Германии. При этом обоим направлениям, по мнению В. Брандта, содействует существование такого феномена, как единое европейское сознание, которое не прекращало жить внутри народов стран Восточной и Центральной Европы и явным образом начинает возрождаться посредством усиления взаимосвязей. Такая тесная связка между двумя концепциями прочно вошла в одну из немецких внешнеполитических установок и была перенята впоследствии христианскими демократами, которые сохранили базис и фундамент восточной политики, доведя его до современного этапа.

Итак, современная *Ostpolitik* строится на определенном числе положений и установок, разработанных еще в 60-70-е гг. XX в. В. Брандтом и его соратником Э. Баром. Крушение биполярного порядка и изменение политических реалий на европейском континенте в

⁴⁴ Sarotte M. *Dealing with the Devil: East Germany, Détente, and Ostpolitik, 1969-1973* / M. Sarotte - Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001. - 328 p.

⁴⁵ Kuschel S. *Die neue Ostpolitik: Entspannung unter der Regierung Brandt / Scheel (1969-1974)* / S. Kuschel - Norderstedt: GRIN Verlag, 2011. - 24 s.

частности несильно отразились на тех базовых идеях, которые преследует в рамках своей деятельности немецкая политическая элита по отношению к странам региона Восточной Европы. Несомненным образом ушла в историю прямая взаимосвязь концепта восточной политики и курса, направленного на объединение Германии, который фактически завершился удачно в 1990 г. Однако данная категория переросла, как это и предвидел В. Брандт, в более широкое понимание и восприятие Европы как политического объединения, куда в 2004 и 2007 гг. полноправными членами вступили ряд стран, в адрес которых и были направлены основные действия в русле *Ostpolitik*, передав тем самым своеобразную эстафетную палочку государствам, расположенным восточнее них. В результате этого сформировалась идея "Восточного партнерства ЕС", где ФРГ продолжает преследовать схожие интересы, которые могут быть сведены к концепции трансформации политических структур мирным путем. Как и в свое время со странами Восточного блока, Берлин рассматривает новообразовавшиеся государства на постсоветском пространстве как независимые политические формирования, хоть и находящиеся в сфере влияния Москвы, но проявляющие активное желание диверсифицировать свои внешнеполитические связи.

В таких условиях продолжает играть важную роль тактика "*Wanderung durch Annäherung*", где посредством установления тесного экономического, культурного и научно-технического сотрудничества происходит демократический переход к новым обществам, способным приблизиться к общему пониманию единого европейского дома. Отношения с Москвой по-прежнему носят осторожный и постепенный в своем развитии характер, так как Российская Федерация видится как образование с более укоренившимися характеристиками и чертами, чей переход требует ориентировки на долгосрочную перспективу и поступательного движения. Однако параллельные консультации и взаимодействие с Кремлем в рамках политики европейской безопасности также оставляют в силе глубокую взаимосвязь восточной политики и политики безопасности, в которой трудно определить, где начинается сфера действия одной и заканчивается сфера действия другой.

Таким образом, правительство под руководством А. Меркель, несмотря на то, что федеральный канцлер является членом блока ХДС/ХСС, а восточная политика рождалась под прямым влиянием мировоззрения СДПГ, не отказывается от главной ее цели, которая может быть сведена к мысли о необходимости продолжения процесса "умиротворения"

Европы, где различные государства будут иметь больше причин и поводов для совместного взаимодействия, чем для противостояния и конфронтации. При этом понятие конкуренции и соперничества полноправно входит в данную схему, не противореча базовым постулатам *Ostpolitik*. Иными словами, концепт восточной политики продолжает свою жизнь в новых реалиях, противоречиво проявляясь в современном состоянии дел и приводя внешнюю политику Германии к различным результатам, факт чего будет отображен далее в исследовании.

Глава 2. Российское направление восточной политики ФРГ на современном этапе

Российско-германские отношения в историческом плане обладают изрядной степенью постоянства и релевантности вне зависимости от своего содержания, которое в различные периоды колебалось от одного крайнего полюса (сотрудничество) к другому (противостояние). В этой системе неизбежным оставался фактор важности той территории, которая была выражена в различных формах российской государственности, для мироощущения немецкой политической элитой своего места в системе международных отношений, в первую очередь, на европейском континенте. Концепция *Ostpolitik*, как это было уже ранее отражено, в своем целеполагании также уделяла России особое место, создавая при этом определенную иллюзию своей исключительной направленности по отношению к Москве в ущерб более широкому представлению о сути восточного сотрудничества. В условиях современности вплоть до периода, ограниченного 2012 г., данная идея продолжала превалировать в видении общего русла всей концепции в целом, порождая впоследствии определенное недопонимание касательно резкости перемен и даже своеобразного разрыва, осуществившегося в начале настоящего десятилетия XXI века и усугубившегося в результате событий его середины. Однако рассмотрение основных сфер сотрудничества России и ФРГ в период трех канцлерств А. Меркель способно выявить ошибочность представлений о том, что в 2012-2014 гг. произошел кардинальный разворот немецкой политической элиты в вопросах взаимоотношения с Москвой, а категории концепции *Ostpolitik* более к ним неприменимы.

1) Коалиционные договоры как основа российско-германских взаимоотношений

Все три правительства, где пост федерального канцлера принадлежал А. Меркель, были коалиционными, где в первый срок (2005 - 2009) совместно с ХДС/ХСС у власти находились социал-демократы (СДПГ), второй срок (2009 - 2013) был ознаменован сотрудничеством христианских демократов со свободными демократами (СвДП), а в период третьего срока, стартовавшего в 2013 г. и продолжающегося по сей день, была образована очередная "большая коалиция" (ХДС/ХСС и СДПГ). Данный аспект оказал свое влияние на различные векторы внешней политики ФРГ в целом, не обойдя в том числе и российско-германские отношения. Социал-демократы, как основоположники

концепции *Ostpolitik*, исконно рассматривались в качестве силы, видящей сотрудничество с Россией с позиции выведения за скобки наиболее спорных и противоречивых тем при одновременном акцентировании внимания на тех вопросах, где между двумя сторонами потенциально существует возможность достижения согласия. Свободные же демократы, являясь представителями либеральной партии, защита основополагающих демократических ценностей для которой стоит на одном из первых мест, не могли не стать более критически настроенной силой по отношению к Москве ввиду важности для них вопросов развития гражданского общества.

Коалиционный договор от 18 ноября 2005 г. "Совместно за Германию - с мужеством и человечностью"⁴⁶ в разделе, где уделяется внимание отношениям с РФ, явно несет в себе традиционный "социал-демократический дух", подчеркивая стратегическую важность контактов с Россией для системы европейской безопасности в целом (это подтверждается размещением вопроса германо-российского сотрудничества в главе, посвященной именно проблеме стабильности и кооперации на европейском континенте). При этом место Москвы в данном аспекте рассматривается через призму участия в решении не только региональных, но и глобальных угроз, к числу которых, прежде всего, относится международный терроризм, необходимость борьбы с которым подкрепляется появлением попеременно очагов деятельности террористических групп в различных регионах Северного Кавказа. В целом же, картина выстраивания сотрудничества с российской стороной идейно выдержана в категориях более активной интенсификации связей с оглядкой на интересы и озабоченности других восточноевропейских стран, что является выгодным для всей Европы.

Такая положительная направленность риторики вышеуказанного коалиционного договора сменяется внесением определенной доли критичности в документ от 10 ноября 2009 года "Экономический рост, образование, единство"⁴⁷ по отношению к состоянию гражданского общества в России и демократичности существующего политического режима. Из формулировок касательно курса немецкой политической элиты на поддержку модернизации РФ, понимаемой в том числе в качестве процесса сокращения практики нарушения основных прав человека, утверждения категорий правового государства и

46 *Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD.* – Berlin, 11.11.2005. - 190 s.

47 Стрелец М.В. Российский вектор внешней политики второго правительственного кабинета А. Меркель в ФРГ: некоторые аспекты истории / М.В. Стрелец // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. - 2015. - № 1 (46). - С. 58-73.

истинной демократии, следует, что современное тому периоду состояние дел в этих вопросах не соответствует в полной мере представлениям западной либеральной идеи о свободном обществе и требует улучшения. Эта новая мысль соседствует с заявлениями относительно необходимости продолжения сотрудничества с Москвой в вопросах безопасности, параллельного учета интересов других государств в данном регионе, однако по своей сути выносит тематику диалога между странами на более высокий уровень.

События в российской внутренней политике, темпорально совпавшие со вторым сроком канцлерства А. Меркель, а также общая черта преемственности внешнеполитического курса вне зависимости от объекта его влияния послужили тому, что проблема сохранения в повестке дня вопроса демократических преобразований в рамках российской политической системы была в очередной раз отображена и даже, в некоторой степени, усилена в содержании коалиционного договора от 27 ноября 2013 г. под названием "Определяя будущее Германии"⁴⁸, несмотря на возвращение СДПГ на первый план на политической арене. Здесь уже подчеркивается важность деятельности такого институционального образования, как "Петербургский диалог", учрежденного еще в 2001 г. и ставящего одной из главных целей своей деятельности запуск и функционирование взаимодействия гражданских обществ Германии и России, а также говорится о необходимости контактов с так называемым "средним классом" и организации новых площадок для общения с ним. Несомненно, что линия правительственного сотрудничества в вопросах европейской безопасности дополняется более отчетливой формулировкой касательно того, что стабильность на европейском континенте возможна лишь с участием России, а не без такового, однако, наряду с этим, выдвигается положение о необходимости выстраивания единого европейского вектора взаимоотношений с Москвой, не сводя последние к прерогативе Берлина.

Согласно концепции *Ostpolitik* восприятие социал-демократами формулировок коалиционного договора второго канцлерского срока А. Меркель не выглядит отступлением с их стороны от идеи более конструктивного диалога с Российской Федерацией. Положения, определенные ими совместно с христианскими демократами еще в 2005 г., должны были во многом служить знаком и показательной чертой того, что сама идея активного сотрудничества с приходом нового федерального канцлера не теряет своей актуальности и релевантности, а наоборот, является долгосрочной тенденцией. В этот

⁴⁸ Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. - Berlin, 14.12.2013. - 130 s.

период продолжает акцентировать внимание на экономическом компоненте и категории безопасности в двусторонних отношениях России и Германии, но сама идея восточной политики неизменно видит их как инструментальное приложение к главной цели приближения двух обществ. Начало активных контактов по вопросам демократии и либеральной модернизации в период 2009 - 2013 гг., подкрепленное ситуацией в российской политической системе, связанной с возвращением В.В. Путина на пост президента в 2012 г., выводит категорию гражданского общества на одно из мест первого плана. Учитывая полиформатность концепции восточной политики, внутреннюю взаимосвязь ее компонентов, повышение роли демократического фактора в целом в содержании коалиционного договора 2013 г. выглядит логически выдержанным и последовательным.

2) Политический диалог между Россией и Германией: упор на сферу безопасности и демократические преобразования

Впрочем, сама тематика усиления тенденции либеральных преобразований в России не была полностью исключена из поля дискуссии в течение первого срока канцлерства А. Меркель. Так, в ходе своего первого официального визита в Москву в январе 2006 г. А. Меркель параллельно с заявлениями касательно стремления Германии сохранить конструктивный, прямой и открытый диалог с РФ не преминула обратить внимание на собственное желание встретиться с оппозиционными силами, которые, по ее мнению, представляли собой проявления развития феномена гражданского общества в российской политической системе.⁴⁹ Несомненным образом, данная формулировка не выдвигала на первый план необходимость поддержки данных сил в предпочтительном ключе, но в то же время указывала на то, что создан прецедент и отношения с Россией впредь не станут концентрироваться исключительно на экономических и энергетических вопросах.

Ввиду вышеозначенной тенденции основным направлением сотрудничества в политической сфере, в рамках которого было приложено максимум усилий со стороны немецкой политической элиты, стала тема выстраивания общей системы европейской безопасности. При этом, как ранее говорилось, в этом поле совместной деятельности важную роль играл компонент Европейского союза, где Германия выступала не от собственного лица, а скорее как представитель объединения, обладающий наиболее

⁴⁹Yoder J.A. An Intersectional Approach to Angela Merkel's Foreign Policy / J.A. Yode // German Politics. - 2011. - № 20 (3). - P.360-375.

развитым уровнем развития двусторонних связей с Россией.⁵⁰ На существование данной линии указывали многочисленные консультации на протяжении 2006 г. (около 6), тематикой которых выступила задача определения общего русла контактов с Москвой. Потенциальному успеху немецкой политической элиты в данном вопросе способствовал тот факт, что в начале 2007 г. наступал срок председательства ФРГ в ЕС.⁵¹ Однако стоит изначально отметить, что политика разрядки и выстраивания атмосферы доверия на европейском континенте, характерная концепции *Ostpolitik*, не выходила за рамки общих консультаций с российской стороной и определения во многом предварительных условий сотрудничества в данной сфере, тем самым оставляя смелые планы Э. Бара, высказанные им еще в период заката биполярной системы, потенциально долгосрочной идеей, о которой в открытую заявить было нельзя.

Пресловутой узкоспециализированной тематикой консультаций стал вопрос продления истекавшего в ноябре 2007 г. Соглашения о партнерстве между РФ и Евросоюзом 1997 г. Следуя логике расширения и углубления поля сотрудничества, сближавшего страны друг с другом, первоначально предполагалось включение в новый вариант документа таких вопросов, как поэтапное формирование единого пространства в сфере экономики, свободы и правовой деятельности, модернизация сферы совместной внешней безопасности, а также научная кооперация, в том числе в различных областях исследования.⁵² Правда, наиболее важным пунктом данного соглашения должны были выступить двусторонние заверения относительно надежности энергетического сотрудничества, однако вопросы безопасности, в свою очередь, занимали в нем не последнее место. Именно в ходе консультативной работы касательно этого документа явно определилась неоднозначная позиция некоторых стран-членов Евросоюза, особенно тех, что вошли в объединение по итогам "пятой волны расширения на Восток", по поводу целесообразности такого всестороннего углубления отношений между ЕС и Россией. Требования со стороны Польши касательно предоставления обязывающих гарантий в вопросах стабильности энергетических поставок и скептическое видение тематики расширения сотрудничества в сфере безопасности с Москвой заставили немецкую сторону отказаться от осуществления быстрых шагов в данном поле деятельности.

⁵⁰ Stent A. Berlin's Russia Challenge / A. Stent // National Interest. - 2007. - № 88. - P. 46-51.

⁵¹ Kurpas S., Riecke H. The 2007 German EU Presidency: A Midterm Report / S. Kurpas, H. Riecke - Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies, 2007. - 69 p.

⁵² David M., Gower J., Haukkala H. National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making? / M. David, J. Gower, H. Haukkala - NY: Routledge, 2013. - 276 p.

Концепция восточной политики в этом случае проявила себя как апологет и защитник идеи неотъемлемого учета интересов восточноевропейских стран в отношениях с РФ, подвергая сомнению, пока еще в незначительной степени, первоочередность интенсификации связей исключительно с Москвой как с главной политической силой на Востоке. Вдобавок, определенным образом на результате сказалась риторика выступления В.В. Путина на проходившей в том же 2007 году Мюнхенской конференции по безопасности⁵³, где российский президент открыто заявил о озабоченности России касательно планов по размещению в Восточной Европе американских радиолокационных и ракетных установок системы ПРО. Дискуссия по этому вопросу началась уже не только в рамках Евросоюза, но и внутри политической элиты, в очередной раз выявив "пророссийские" позиции социал-демократов и сомнения со стороны членов ХДС. Упоминание в речи В.В. Путина идеи создания единого пространства безопасности от Лиссабона до Владивостока при этом выглядело как явное предложение альтернативы с российской стороны системе Североатлантического альянса, что, несомненно, противоречило видению данной сферы немецкой политической элитой.

Вопрос перезапуска Соглашения 2007 г. между РФ и Евросоюзом в таких условиях был отложен до проведения намеченного на май саммита Россия - ЕС в Самаре. Однако, как и в начале первого срока канцлерства А. Меркель, здесь проявил себя фактор демократической риторики в адрес Кремля. Учитывая разногласия, возникшие между Берлином и Москвой в ходе проведения предыдущего раунда переговоров, откровенно противоречивые взгляды элит двух стран на общую концепцию безопасности на европейском континенте компонент демократических преобразований *Ostpolitik* получил дополнительный импульс, тем более что в преддверии проведения саммита произошел ряд громких политических убийств журналистов в России, выступивших поводом для критики состояния правового государства в РФ. Несмотря на то, что социал-демократы не поддерживали извлечение данной противоречивой тематики на свет в данный момент, определенного охлаждения в двусторонних отношениях не удалось избежать, и встреча на высшем уровне в Самаре потерпела фиаско.⁵⁴

Идея относительно того, что Российская Федерация ввиду собственного прошлого и определенных тенденций исторической сформированности собственной политической

53[□]Павлов Н.В. Россия-Германия: исчерпан ли потенциал политического сотрудничества? / Н.В. Павлов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 609 - 616.

54[□]Timmins G. German–Russian Bilateral Relations and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the ‘Multilateral Reflex’ / G. Timmins // Journal of Contemporary European Studies. - 2011. - № 19 (2). - P. 189-199.

системы в концепции восточной политики рассматривалась в качестве отдаленной цели, говорила об отсутствии необходимости форсировать события, идя на уступки в двусторонних отношениях. Угроза взаимовлияния, определяемая как негативный эффект *Ostpolitik* В. Брандтом, требовала взвешенного и поэтапного сближения, где трансформация общества объекта влияния возможна лишь посредством "политики малых шагов". Более сдержанное и резистивное отношение христианских демократов к проблеме российско-германских отношений, в некоторых аспектах отдававшее политикой силы К. Аденауэра, дополняло оптимистичное видение социал-демократов касательно степени готовности России к необходимым преобразованиям, а следовательно, определенным образом видоизменяло восточную политику. Она становилась похожей на процесс приведения к общему знаменателю если не крайне противоположных точек зрения, то представлений, по-разному рассматривавших уровень должного сотрудничества. В данных условиях эффект разрядки времен консультаций В. Брандта и Л. Брежнева был трудно достижим: ему нужно было хотя бы одно значимое изменение в одной из систем координат.

Именно таким изменением стали президентские выборы в России, состоявшиеся в марте 2008 г., по результатам которых высший пост в стране занял Д. Медведев.⁵⁵ В отличие от своего предшественника он рассматривался немецкой политической элитой в качестве своеобразного Горбачева, готового и способного приступить к модернизационным процессам в российской политической системе, а значит, активная фаза концепции восточной политики стала уместной и релевантной. Сразу после инаугурации Д. Медведева министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмаер на встрече в Екатеринбурге официально вернулся к риторике неудавшегося Соглашения между ЕС и Россией, видя необходимость в расширении сотрудничества с Москвой в энергетической, экологической, правовой, образовательной, гражданской областях и в сфере безопасности.⁵⁶ Однако как раз кризис системы европейской безопасности, связанный во многом с РФ, стал очередным камнем преткновения, омрачившим ожидания немецкой политической элиты от перемен в Кремле.

Разразившийся в августе 2008 г. грузино-осетинский конфликт, в который была вовлечена российская сторона, обрушил на РФ новый град критики со стороны стран-

55[□] Makarychev A., Meister S. The Modernisation Debate and Russian-German Normative Cleavages / A. Makarychev, S. Meister // European Politics and Society. - 2015. - № 16 (1). - P. 80-94.

56[□] Meister S. German Eastern Policy: Is a partnership with Poland possible? / S. Meister // DGAPanalyse kompakt. - 2011. - № 7. - P. 1-5.

членов Европейского союза, где в новых внешних условиях Германия была вынуждена также занять позицию осуждения по отношению к Москве.⁵⁷ Идея Берлина касательно выработки единого вектора взаимоотношений России и Европы не потеряла своей актуальности в умах немецких политиков и вследствие этого не позволяла ФРГ выделяться на общем фоне гневных голосов в адрес Кремля. По прошествии нескольких месяцев стало ясно, что данные события не стали критическим поворотным моментом, а скорее рассматривались в качестве отдельного отклонения Российской Федерации от собственной стабильной линии поведения на международной арене, однако в первые недели конфликта предпочтения внутри немецкой политической элиты относительно необходимости принятия более жесткого курса взаимоотношений с Москвой планомерно росли, еще более разъединяя христианских демократов и членов СДПГ. На встрече А. Меркель и Д. Медведева в Сочи в том же августе федеральный канцлер Германии не преминула в очередной раз поднять болезненную для Москвы тематику слабого развития гражданского общества в России и различных нарушений демократических прав, не отказываясь при этом от концепции партнерства, ставшего модернизационным вместо стратегического.⁵⁸

Относительно быстрое затухание горячей фазы конфликта и переход сторон к постепенной деэскалации позволили глобально не отразиться на компонентах восточной политики, однако смысловое наполнение той формы партнерства, которая была своевременна настоящим событиям, отразило факт наличия определенных ожиданий со стороны немецкой политической элиты. Вовлеченность России в кризисную ситуацию на европейском континенте и надежда на перемены с приходом новой политической фигуры на высший пост в стране указали на необходимость фактора "модернизационности" сотрудничества, на основании успеха которого в перспективе может строиться стратегическая кооперация. Именно в данный период в германо-российских отношениях все более усиливается акцент на демократические преобразования, при этом явно не проявляясь в усилении "риторики гражданского общества", так как сами ожидания постулировали их вероятность и неизбежность. В данных условиях происходит

57⁷ Русяева И., Батулин Л.М. Российско-германские отношения и их влияние на эволюцию стратегической стабильности / И. Русяева, Л.М. Батулин // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. - 2015. - № 1. - С. 81-93.

58⁸ Handl V., Ehler T. The German Policy towards Russia – The Meaning of the Context of the European Union / V. Handl, T. Ehler // The EU, Germany, Central Europe and Russia: determinants of the EU's foreign policy towards Russia / ed.: B. Vesela. - Prague: Friedrich Ebert Stiftung, 2011. - P. 169 - 198.

возвращение к докризисным консультативным форматам, своеобразная нормализация взаимоотношений.

Так, уже в феврале 2009 г. на Мюнхенском саммите безопасности А. Меркель, выступавшая с довольно критичных позиций в адрес Москвы летом минувшего года, заявляет о необходимости восстановления прерванных контактов в рамках Совета Россия-НАТО, дабы возродить конструктивный характер диалога между РФ и западными структурами. В августе того же года происходит очередная встреча федерального канцлера Германии с Д. Медведевым в Сочи, в ходе которой обсуждаются вопросы взаимодействия двух стран в условиях набирающего силу мирового финансового кризиса и связанные с этим вопросы экономической кооперации. А своеобразной квинтэссенцией политической фазы модернизационного партнерства выступает факт проведения в мае 2010 г. в Ростове-на-Дону саммита ЕС-Россия, в ходе которого наконец удается достичь компромисса по вопросу продления Соглашения 1997 г. в виде подписания нового документа, дополненного своеобразным модернизационным пактом. В этот период времени оживляются разговоры касательно создания Евро-Атлантического сообщества безопасности, важности интенсификации связей между РФ и ЕС в вопросе информационного обмена и совместных действий, направленных на борьбу с возникающими новыми угрозами существующему миропорядку.⁵⁹

Данная тенденция превалировала на протяжении всего периода окончания президентского срока Д. Медведева: в июне того же 2010 г. была проведена двусторонняя встреча между главами России и Германии в дворце Мезеберг⁶⁰, по итогам которой было решено учредить Европейское сообщество безопасности⁶¹, создаваемое во многом по аналогии с существовавшим уже на тот момент Комитетом по политике и безопасности ЕС и в рамках которого проводились бы консультации по вопросам стабильности и поддержания мирного положения дел в регионе. Вдобавок, дабы нивелировать последствия грузино-осетинского конфликта, Российской Федерации необходимо было выступить в качестве активного сторонника разрешения кризисных явлений в Европе, чему явно способствовала договоренность относительно продолжения диалога по

⁵⁹ Paterson W.E. Foreign Policy in the Grand Coalition / W.E. Paterson // German Politics. - 2010. - № 19 (3-4). - P. 497 - 514.

⁶⁰ Adomeit H. German-Russian Relations: Balance Sheet since 2000 and Perspectives until 2025 / H. Adomeit - Bruxelles: Comité d'études des relations franco-allemandes, 2012. - 36 p.

⁶¹ Белов В.Б. Российско-германские отношения перед выборами в Бундесдаг / В.Б. Белов // Современная Европа. - 2013. - № 2 (54). - С. 6-19.

разрешению Приднестровского кризиса в формате консультационной группы "5+2". В конце же года, в октябре, прошел трехсторонний саммит в Довиле с участием федерального канцлера Германии и президентов России и Франции, где стороны заявили о своей несомненной поддержке идеи формирования Евро-Атлантического и Евразийского пространств безопасности на общей институциональной основе.

Активизация связей с администрацией Д. Медведева явилась определенным показателем возможности двусторонних плодотворных консультаций между ФРГ и Россией согласно концепции восточной политики в условиях снижения нарастания кризисных угроз безопасности, а также прихода к власти в Кремле элиты, рассматриваемой в Берлине в качестве модернизационно-направленной в плане демократических образований. В этой связи показательно количество личных встреч между высшими политическими лицами как ФРГ, так и РФ, которые были организованы за этот период. Надежда на постепенно начавшуюся либерализацию политической элиты в России переносилась на тенденции роста силы гражданского общества в целом, что в итоге давало представление о действенности компонентов политики "*Wanderung durch Annäherung*". Такая преждевременная позиция Берлина во многом стала причиной того разочарования, которое последовало за возвращением В.В. Путина на пост президента России в 2012 г.⁶² Намечавшийся период своеобразной "перестройки" и демократизации даже в потенциальной перспективе оказался невозможным, с точки зрения немецкой политической элиты. В отличие от своего оригинала *Ostpolitik* на современном этапе не смогла дойти до своей логической кульминации, в свое время выраженной в процессах разрядки и разоружения, а фактически была пресечена в активной фазе с самого начала.

Именно после президентских выборов в России 2012 г. оказалась явной цельность подхода, содержащегося в концепции восточной политики, где все компоненты не рассматривались по отдельности, а были единовременно и одновременно направлены на свершение модернизационных процессов. Вектор на демократические перемены в условиях, с точки зрения Берлина, прямо противоположных их претворению в жизнь, вышел наружу в виде открытой критики в адрес Москвы, которая с каждым днем только набирала силу. Учитывая это, нельзя сказать, что политика по отношению к России претерпела кардинальные изменения, отличавшие ее от предшествующего периода; наоборот, она явилась результатом тех неисполненных ожиданий, которые возлагались на

⁶²Yoder J.A. From Amity to Enmity: German-Russian Relations in the Post Cold War Period / J.A. Yoder // German Politics & Society. - 2015. - № 33 (3). - P. 49 - 69.

Кремль ранее. Первые признаки разочарования с немецкой стороны пришли летом 2012 г.⁶³, когда федеральный президент Германии Й. Гаук отменил свою запланированную поездку в Москву, где он должен был вместе с российским президентом участвовать в церемонии открытия "Года Германии в России". А. Меркель же в ходе своей ноябрьской встречи с В.В. Путиным подняла вопрос о существовании в РФ правового государства как явления, отметив чрезмерную силу, использованную правоохранительными органами при разгоне митингов на Болотной площади, а также определенную долю предвзятости в судебном делопроизводстве касательно вышеозначенных событий.

Положение усугубилось после того, как в том же ноябре 2012 г. Бундестаг принял резолюцию, довольно в критическом свете представлявшую широкой общественности положение настоящих дел в России, обвиняя правительство последней в ужесточении контроля над своими гражданами, а также в преследованиях несогласных с проводимой Кремлем политикой. Правда, в этой ситуации показателен тот шаг, который был принят Министерством иностранных дел ФРГ, активно вмешавшимся в подготовку окончательной версии документа и убравшим из нее ряд наиболее критичных пассажей в адрес Москвы, заменив их указанием на то особое положение, которое Россия занимает в сфере европейской безопасности. Однако остается несомненным тот факт, что демарш в целом российской стороной был рассмотрен как недружественный и привел к тому, что Москва отказалась вести дела с тогдашним координатором по германско-российским отношениям А. Шокенхоффом, как раз и выступившим с данной резолюцией. В целом эта ситуация привела к определенному градусу раздражения с обеих сторон и глубоко отразилась на состоянии двусторонних отношений.⁶⁴

Усиление демократической риторики и репрезентации себя Германией как партнера, ожидающего изменений от своего контрагента, также может ярко проиллюстрировать та тематика, что в этот период выносилась в заглавие проводимых конференций в рамках "Петербургского диалога". К примеру, в 2011 г. ключевым сюжетом обсуждения являлась тема "Граждане, общество и государство - партнеры в деле модернизации", которая на следующий год сменилась с виду более нейтральной "Россия и Германия: информационное общество перед вызовами XXI века", но в 2013 г. уже

63^ГGathman Fl. Schwierige Präsidenten-Beziehung: Gaucks Putin-Problem [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2012. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/praesident-gauck-geht-russlands-staatsoberhaupt-putin-aus-demweg-a-852531.html> (accessed 20.03.2016).

64^Г Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia / T. Forsberg // International Affairs. - 2016. - № 92 (1). - P. 21 - 42.

трансформировалась в говорящую саму за себя тему "Социальные и политические права как залог свободного общества". В данных условиях политическая сфера сотрудничества фактически стала жертвой данной риторики, сводя практически на нет весь процесс активизации контактов между двумя сторонами.⁶⁵

Некоторым образом такая модель поведения, выбранная немецкой политической элитой, может показаться на первый взгляд противоречащей базовым идеям концепции *Ostpolitik*, в ходе реализации которой тот же В. Брандт шел на создание устойчивых связей с СССР во времена Л. Брежнева, несмотря на стойкую критику коммунистических режимов со стороны государств Запада. Однако при этом стоит не забывать, что первоначально восточная политика явилась продуктом именно времени очередного роста напряженности между двумя противостоящими друг другу лагерями и была по своей сути одним из средств по нормализации отношений между государствами Европы. Вдобавок, ее претворение было сопряжено с последующим успехом процессов либерализации режима в СССР, тогда как в настоящее время развитие политических отношений с Россией в данных условиях Берлином виделось при равномерном движении самой Москвы в сторону ФРГ, а не как неизменная когда-то начерченная магистраль, которая обязана воспроизводить сама себя. К тому же ситуация усугубилась в ходе последующих событий, которые из общего набора компонентов *Ostpolitik* вывели фактор европейской безопасности и стабильности и в определенной степени перечеркнули результаты политики еще пресловутых времен В. Брандта.

Украинский кризис как угроза стабильности Европы и феномен, открыто противоречащий постбиполярному представлению недопустимости конфликтов в Старом Свете, не мог не затронуть основ двусторонних взаимоотношений между Москвой и Берлином - основ именно взаимоотношений, но не самой восточной политики. Несомненным образом с момента развертывания активной фазы кризиса, в которую была вовлечена Россия, понятие "модернизационное партнерство" само собой вышло из употребления и сделалось неуместным и несвоевременным. Особое потрясение немецкая политическая элита испытала не по факту начала противостояния между Западом и РФ за сферу влияния над украинской территорией, а в результате последствий включения Крыма⁶⁶, суверенной части другого государства, в состав России в марте 2014 г., а также

⁶⁵ Петербургский диалог. История форума [Электронный ресурс]: офиц. сайт форума гражданских обществ России и Германии. - URL: <http://petersburger-dialog.ru/home/istoriya.html> (дата обращения: 25.03.2016).

⁶⁶ Seibel W. Arduous Learning or New Uncertainties? The Emergence of German Diplomacy in the Ukrainian Crisis / W. Seibel // Global Policy. - 2015. - № 6 (1). - P. 56-72.

предшествовавшего этому событию вынесения решения Советом Федерации РФ о возможности использования Президентом РФ Вооруженных сил РФ на Украине. Данные события были сочтены уже не разовым отклонением, как это было в свое время в ходе грузино-осетинского конфликта, а грубым нарушением международных норм, которое не может оставаться незамеченным.

При этом А. Меркель самолично с самого начала конфликта видела роль Германии в качестве посредника в ходе процесса разрешения противоречий: так, весной того же 2014 г. в ходе телефонных переговоров с В.В. Путиным было решено организовать Специальную мониторинговую миссию ОБСЕ на Украине в качестве аппарата сдерживания конфликтующих сторон. Вдобавок, летом в период начала первого раунда Минских консультаций федеральным канцлером Германии была предпринята попытка ограничить влияние одной из причин развернувшегося кризиса, а именно договориться с Россией относительно экономической составляющей Соглашения об ассоциации Украины с ЕС взамен на обещание не рассматривать данную страну в качестве потенциального члена НАТО. Даже несмотря на критический оттенок встречи в формате "нормандской четверки" в Милане в октябре, а затем на полях саммита G20 в Брисбене⁶⁷ в ноябре, А. Меркель продолжала подчеркивать необходимость дипломатического разрешения кризиса, ни в коем случае не прибегая к военным мерам. Данная риторика в очередной раз была подтверждена крайне активным участием Германии в процессе перезапуска Минских соглашений в феврале 2015 г.

Шок и особенно острая фаза критики первых месяцев в адрес Москвы⁶⁸ со временем сменились возвращением к долгосрочной тенденции, заключающейся в придании важного места России в рамках концепции сотрудничества в Европе. Выступление А. Меркель на Мюнхенской конференции по безопасности в том же феврале 2015 г.⁶⁹ хоть и содержало в себе обвинения в адрес РФ в нарушении норм международного права и различных соглашений, но все же акцентировало внимание на необходимости вовлечения всех заинтересованных сил в процесс активного разрешения Украинского кризиса мирным

67[□] Müller P. Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/g20-gipfel-merkel-wirft-putin-wegen-ukraine-expansionsstrebenvor-a-1003107.html> (accessed 27.03.2016).

68[□] Павлов Н. Москва-Берлин-Брюссель: от трилатерализма к билатерализму? / Н. Павлов // Современная Европа. - 2014. - № 4 (60). - С. 106-110.

69[□] Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz [Электронный ресурс] : офиц. сайт Федерального правительства ФРГ. - URL : <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2015/02/2015-02-07-merkel-sicherheitskonferenz.html> (accessed 27.03.2016).

путем. Иными словами, обстановка в сфере стабильности и безопасности на европейском континенте достигла уровня напряженности, характерного той эпохе, когда концепция *Ostpolitik* только зарождалась, и международным отношениям в данном регионе требовался процесс разрядки, сходный с тем, что протекал во времена В. Брандта. Основы восточной политики в виде линии на кооперацию с Москвой в долгосрочной перспективе, несомненно, не были пересмотрены, так как политика силы была способна привести лишь к дальнейшей эскалации конфликта и противостояния.

Политическая сфера *Ostpolitik* ориентировалась и продолжает ориентироваться на тактику "*Wanderung durch Annäherung*", где особую роль начинает играть демократический фактор преобразований. Пресловутые изменения в виде формирования среднего класса гражданского общества, составленного из высокоинтеллектуальных людей, сознающих всю необходимость либеральных преобразований в сторону большей открытости и свободы, постулируют акцентирование внимание на трансформации российской политической системы в направлении сближения с европейскими аналогами. Общий кризисный оттенок этой тенденции, дополненный фактом неразрешенности конфликта на Украине, указывает на то, что при очевидном сохранении жизненности постулатов восточной политики в политической сфере контакты в настоящий момент возможны лишь в области разрешения обстановки незащищенности европейской системы безопасности. В пользу этого видения говорит, к примеру, факт проведения российско-германской конференции "Потсдамские встречи" в октябре 2015 г.⁷⁰, в ходе которой министры иностранных дел как РФ, так и ФРГ С. Лавров и Ф.-В. Штайнмаер заявили о своевременности активизации идеи процесса "Хельсинки-2", аналогичному тому, что проходил в 1973 - 1975 гг. В целом же, политические консультации являются наиболее уязвимым местом взаимоотношений России и Германии, остро реагируя на малейшие изменения во внешней среде и придерживаясь политики "малых шагов", тесно связанной с концепцией *Ostpolitik* в общем.

⁷⁰ Fumetti E. 40 Jahre Helsinki-Schlussakte und die Neugestaltung Europas. Brauchen wir Helsinki-2? / E. Fumetti - Berlin: ASTOV Vertriebsgesellschaft mbH, 2015. - 179 s.

3) Экономические связи между Россией и ФРГ как равнозначный элемент восточной политики

Двусторонние взаимоотношения между Берлином и Москвой, складывающиеся в сфере экономических контактов друг с другом, изначально неизменно виделись многими в качестве того фундамента и базиса сотрудничества между двумя странами, который не позволит в итоге привести состояние общих дел к кризисному уровню. Концепция восточной политики в определенной степени была солидарна в этом вопросе, обращая внимание на роль экономических связей между государствами в процессе их обоюдного сближения друг с другом и формирования общего торгового пространства. Данную логику подкреплял также и факт очередности производимых изменений в рамках концепции европейской интеграции, которая первоначально была заострена именно на экономическую сферу деятельности. В таких условиях зачастую было принято отделять экономические отношения России и Германии от пласта политической сферы, рассматривая первые в некотором отрыве от событий, являющихся частью политических консультаций и взаимодействий. Как было ранее отображено, большинство контактов на самом высоком уровне преимущественно касались вопросов безопасности и выстраивания политического диалога между сторонами, в то время как экономические взаимосвязи во многом являлись делом конкретных компаний и фирм, заключения определенных контрактов и соглашений.

Российская Федерация в целом, представляя собой в середине XXI века активно развивающийся рынок, закономерно привлекала к себе интерес немецких инвесторов своим ростом, который сулил бизнесу Германии достаточные прибыли. К примеру, в 2006 г. экономический рост достигал уровня в 6%, а в следующем 2007 году этот показатель увеличился уже до размера 8%. Общее состояние развитости и стабильности экономических взаимоотношений, постоянно поддерживаемое после распада СССР и образования РФ, активное участие немецкого капитала в проектах на российской территории способствовало линии на продолжение взаимовыгодного сотрудничества, используя уже существующие институты. Так, показателен объем роста товарооборота между двумя государствами за тот же период (с 2005 г. по 2007 г.) с 99 млрд. долларов до 200 млрд. долларов, определенно говорящий о большом значении Германии для российской экономики и наоборот в целом.⁷¹ Уже к тому моменту ФРГ вышла на первое

⁷¹Гамзалов С.Д. Российско-германские отношения: специфика и перспективы развития / С.Д. Гамзалов // Власть. - 2010. - № 6. - С. 156-159.

место по количеству экспортируемых товаров (13%), среди которых преобладала продукция механизированной сборки, отличавшаяся технологическими новинками и уникальностью сборки.⁷²

Однако в общей системе экономических взаимоотношений с самого начала существовало противоречие между статьями, определяющими российский и немецкий экспорт. Так, в российском экспорте в Германию явным образом выделяются статьи, приходящиеся на нефте- и газодобычу, а также в целом на минеральное топливо (по показателям 2014 г. - 82,3%), в то время как остальные товары занимают крайне малую долю в общем объеме. В структуре же немецкого экспорта в Россию преобладают товары высокой степени обработки, а следовательно, обладающие также высоким уровнем добавленной стоимости: по тем же показателям 2014 г., на долю продуктов машиностроения (оборудование и различные механические устройства) приходится 27%, далее идут автомобилестроение и автокомпоненты с 16,1%, потом - фармацевтическая продукция (8,2%) и электротехника (машины и оборудование) (7,2%).⁷³

В рамках концепции *Ostpolitik* такая неравномерность товаропотоков между двумя сторонами является, наоборот, положительным моментом, так как напрямую соответствует задачам немецкой внешней политики по трансформации общества страны, с которой осуществляется сотрудничество. Немецкие производители высокотехнологичной продукции постепенно с развитием рынка стремятся локализовать производство в целях снижения собственных издержек, связанных с реализацией продуктов труда, а также получения определенных выгод, сопряженных со стоимостью ряда факторов производства. В ходе данного процесса переноса части производственных линий на территорию другого государства происходит внедрение методов работы и производственной культуры, присущей немецкой системе организации промышленного выпуска товаров, а вместе с тем и некоторое сближение различных обществ друг с другом, рождающее схожесть представлений и видений относительно социальной организации. Такая логика является причиной того, что на протяжении двух первых сроков канцлерства А. Меркель именно экономическая сфера рассматривалась в качестве наиболее бесконфликтной области кооперации, которая способна принести плоды внутренних изменений.

⁷² Chivvis C.S., Rid T. The Roots of Germany's Russia Policy / C.S. Chivvis, T. Rid // Survival: Global Politics and Strategy. - 2009 - № 51 (2). - P. 105-122.

⁷³ Обзор торговых отношений России и Германии в 2014 г. [Электронный ресурс]: единый информационный портал. - URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2407/> (дата обращения: 29.03.2016).

Данная тенденция с особой силой проявилась в период президентства в РФ Д. Медведева, когда крупные немецкие промышленные компании начали активнее создавать местные площадки производств на территории России, а также заключать важные для российского рынка контракты и соглашения. При этом можно выделить две отрасли, которые задавали общий тон при осуществлении такой линии, - это автомобилестроение и электротехника. Так, например, компания *Siemens* в 2010 г. в Воронежской области начала осуществлять проект постройки нового завода по выпуску силовых трансформаторов, дополненный подписанием ряда договоров с госкорпорациями "Ростехнологии" и "Русгидро" относительно реализации промышленной продукции в сфере возобновляемой энергии.⁷⁴ Другой крупной сделкой немецкой фирмы стало соглашение в 2011 г. с ОАО "РЖД" касательно производства 1,2 тыс. железнодорожных вагонов для электропоезда "Ласточка" с возможностью полной локализации линии сборки к 2018 г. на территории Российской Федерации. В области автомобилестроения показателен пример такой компании, как *Volkswagen*, которая в 2010 г. начала расширять собственное производство в Калужской области, а также вводить новые линейки продукции на российский рынок. Вдобавок, в 2011 г. немецкая фирма совместно с российской группой ГАЗ решила организовать производство ряда моделей автомобилей, используя возможности двусторонней кооперации в этом вопросе.⁷⁵

Общий рост капиталовложений в российскую экономику происходил фактически вопреки тем негативным эффектам, которые оказывал на состояние статистических показателей разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис. Это во многом объяснялось тем же уровнем запаса прибыльности развернутых в России крупных производств, который был обеспечен за счет стабильных капиталовложений предыдущих лет. В 2011 г. товарооборот между Германией и Россией продолжал достигать высокой отметки в 75 млрд. долларов, а ФРГ по степени важности торговых партнеров для РФ занимала второе место после Китая.⁷⁶ Такая развитость экономических связей между двумя странами поддерживалась немецкой политической элитой в рамках концепции *Handelstaat* ("торговое государство"), где влияние Германии в современных международных условиях рассматривалось именно через призму установления надежных

⁷⁴ Zverev A. Economic Cooperation Between Russia and Germany / A. Zverev // Problems of Economic Transition. - 2012. - № 55 (1). - P. 51-62.

⁷⁵ Белов В.Б. Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и ФРГ / В.Б. Белов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 392-453.

⁷⁶ Adomeit H. German-Russian Relations: Balance Sheet since 2000 and Perspectives until 2025 / H. Adomeit - Bruxelles: Comité d'études des relations franco-allemandes, 2012. - 36 p.

экономических контактов, основанных на взаимных интересах сторон. Данное мировоззрение исключало масштабное применение военной силы или какое-либо иное проявление политики принуждения и в новых условиях служило проекцией германской экономической мощи на европейскую сцену политических взаимоотношений. Здесь необходимо отметить, что эта же логика лежала в идейной основе концепции "модернизационного партнерства"⁷⁷, где политика "*Wanderung durch Annäherung*" преобразилась в "*Wanderung durch Handel*"⁷⁸ ("изменение через торговлю"), сохранив в себе фундаментальную цель сближения двух пространств в пользу европейского курса.

Однако положительный эффект в рамках концепции *Ostpolitik* структурной разницы экспортной составляющей экономических взаимоотношений Германии и России в итоге противоречиво сказался на их ходе развития в целом. В условиях медленного восстановления мировой экономики от последствий финансового кризиса, сказавшегося на состоянии различных государств, в том числе и ФРГ, спрос на энергоресурсы оставался на примерно одинаковом уровне в годовом срезе, что неминуемо влияло на положение торговых отношений между Россией и Германией.⁷⁹ Замедление роста самой российской экономики аналогичным образом препятствовало интенсификации двусторонних связей, снижая темп развития событий. Впрочем, главный и неожиданный удар последовал далее, поставив под сомнение пресловутую независимость экономической политики Берлина по отношению к Москве от всех остальных сфер деятельности.

Украинский кризис, в основе которого в том числе лежало и экономическое противостояние за сферы влияния, выведенное на поверхность крайней болезненностью процесса принятия Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, стал в некотором смысле поворотным пунктом в восприятии германо-российских отношений. Решение Европейского Совета от 6 марта 2014 г. касательно проведения трехэтапного санкционного курса по отношению к России и активная поддержка этой линии со стороны Германии создали впечатление начала новой стадии поведения Берлина в адрес Москвы.⁸⁰ Однако здесь следует снова обратиться к основам концепции восточной политики, которая ни в

77 Belov V. Russia-Germany: Partnership for Modernization / V. Belov // International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy & International Relations. - 2010. - № 56 (5). - P. 108-119.

78 Szabo S.F. Germany's Commercial Realism and the Russia Problem / S.F. Szabo // Survival. - 2014. - № 56 (5). - P. 117-128.

79 Белов В.Б. Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и ФРГ / В.Б. Белов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 392-453.

80 Formuszewicz R. Germany's Policy towards Russia: New Wine in an Old Wineskin / R. Formuszewicz // Policy Paper. - 2014. - № 7 (90). - P. 1-5.

кчем случае не исключает наличие кризисных и деструктивных явлений во взаимодействиях между субъектом и объектом. Так, в период оформления *Ostpolitik* в качестве единой политической линии ФРГ являлась членом Координационного комитета по экспортному контролю, а следовательно также подчинялась правилам торговли высокотехнологичными товарами со странами социалистического лагеря, в том числе с СССР, куда данные виды продукции было запрещено поставлять. Иными словами, сама модель на сближение не противоречила и не противоречит наличию определенных мер принуждения, когда одна из сторон, с точки зрения другой стороны, находится в маргинальном положении по отношению к тому, что видится наиболее правильным и верным. В этом плане характерна ситуация, возникшая в результате фактической диссолюции первого раунда Минских соглашений, когда А. Меркель настойчиво возлагала вину за его крах на так называемых сепаратистов на юго-востоке Украины, которым активную поддержку оказывала Россия, но при этом всячески избегала затрагивания темы дальнейшего усиления санкционного режима.

Касательно же немецкого бизнес-сообщества, то оно первоначально заняло позицию несогласия с санкционным ответом в адрес Москвы в связи с Украинским кризисом. Так, на встрече в марте 2014 г. главы *Siemens* с В.В. Путиным Дж. Кейзер, занимавший данный пост, заявил о приверженности избранной ранее компанией линии, направленной на диалог, а не конфронтацию, подтвердив полностью силу всех существовавших к тому моменту договоренностей.⁸¹ Однако впоследствии, по мере того как становилось ясно, что данный кризис приобретал долгосрочный характер, бизнес-элита Германии в лице главы Федерации немецкой промышленности М. Кербера согласилась с общей санкционной логикой, даже принимая в расчет предстоящие убытки и потери для компаний.⁸² Риторика была презентована в очередной раз в резервационном ключе, где само существование санкций рассматривалось исключительно как временная мера, отказаться от которой необходимо как можно скорее.

В целом стоит понимать равнозначность всех компонентов *Ostpolitik* по отношению друг к другу, включая и экономический формат взаимодействия. Наличие внешней угрозы в виде кризиса системы безопасности и стабильности в Европе с вовлечением в него

⁸¹Siemens CEO meets Putin and commits company to Russia [Электронный ресурс]: Financial Times, 2014. - URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6d774238-b506-11e3-a746-00144feabdc0.html#axzz45fCe9I8b> (accessed 30.03.2016).

⁸²Ewing J., Smale A. In reversal, Germany cools to Russian investment [Электронный ресурс]: The New York Times, 2014. - URL: http://www.nytimes.com/2014/12/29/business/international/in-reversal-germany-cools-to-russian-investment.html?_r=0 (accessed 30.03.2016).

объекта восточной политики налагает свои ограничения на степень сотрудничества, на которое потенциально готов пойти Берлин. Вся логика развития докризисных экономических контактов говорит о том, что они являются важной полноценной частью тактики "*Wanderung durch Annäherung*", играя роль материальной составляющей теории трансформации общества. В долгосрочной перспективе эта сфера будет подвержена лишь влиянию внешних факторов как в географическом, так и в содержательном плане, оставляя неизменной саму идею выстраивания тесных экономических связей с таким восточным соседом, как Россия, но по-разному определяя характер их интенсивности. Представление об экономической политике как о независимой структуре в глобализирующемся мире должно уйти в прошлое, тем более, что конкретно в рамках концепции восточной политики экономическая сфера является всего лишь одним из элементов сотрудничества, не обладающим значительным объемом собственной самодостаточности.

4) Особая роль энергетики в двусторонних отношениях ФРГ и РФ с точки зрения концепции восточной политики

Энергетическая сфера по своей сути является частью экономических контактов между Германией и РФ, однако в силу определенных обстоятельств выделяется из общей экономической стратегии взаимоотношений двух государств. К таковым преимущественно может быть отнесена высокая роль России в стабильности поставок энергоресурсов в Европу и в ФРГ в частности (доля российской нефти в немецком импорте занимает примерно 35%⁸³, на российский же газ приходится около 31%⁸⁴). При этом, как уже было ранее сказано, именно энергоносители являются основной статьей экспорта для России, обеспечивая максимальные прибыли и рост экономики. Такие взаимоотношения с каждым годом порождают все большую волну критики, акцентируя внимание на энергозависимости Германии от РФ.

После прихода на пост федерального канцлера А. Меркель было распространено мнение, что исполнение соглашения относительно постройки газопровода "Северный поток" по дну Балтийского моря, заключенного еще в период канцлерства Г. Шредера,

83 Ölimporte und Rohölproduktion in Deutschland. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [Электронный ресурс] : офиц. сайт Министерства экономики и энергетики ФРГ. - URL : <http://m.bmwi.de/DE/Themen/energie,did=159668.html> (accessed 02.04.2016).

84 Herkunft des Erdgas in Deutschland [Электронный ресурс]: Hufnagel Kl., Prangemeie Th. - Geschäftsführer. - URL: <http://www.kwh-preis.de/herkunft-des-erdgas-in-deutschland> (accessed 02.04.2016).

будет приостановлено, а в Германии развернется новая дискуссия по этому вопросу. Однако именно в 2005 г. начались первые работы по приведению задействованной территории в необходимое состояние и прокладке непосредственно труб. Данное событие сперва явилось показателем продолжения той особой линии, которая отличала взаимоотношения Москвы и Берлина в течение предыдущего десятилетия. Правда, такие прогнозы оказались по своему содержанию преждевременными ввиду того, что ситуация резко изменилась в следующем 2006 году.⁸⁵

Сперва на Украине, а затем и в Белоруссии местные политические элиты начали активные консультации с Россией касательно проблемы повышения продажной цены на природный газ для этих стран. Переговоры явным образом затянулись и перешли в фазу определенной конфронтации сторон, что, несомненно, могло отразиться на бесперебойности поставок голубого топлива в Европу. Вдобавок, в сложившейся ситуации энергоносители открыто рассматривались странами-импортерами в качестве возможности России проводить манипулятивную политику, используя фактор зависимости ряда государств от данных природных ресурсов как рычаг давления по отношению к правительствам этих стран. Критика шла и в адрес модели взаимодействия, практикуемой РФ, в рамках которой отключение поставок по тому или иному газопроводу могло быть произведено в одностороннем порядке, без извещения об этом своих контрагентов. Такое состояние дел неминуемо повлияло на распространение скепсиса касательно целесообразности расширения энергетического сотрудничества с Россией и способствовало развитию среди немецкой политической элиты идеи диверсификации поставок энергоносителей. Под влиянием такой негативной реакции на саммите ЕС в ноябре 2006 г. в Финляндии Германия присоединилась к странам, выразившим свое недовольство потенциальной нестабильностью импорта российских энергоносителей, и поддержала их стремление к рассмотрению большего числа регионов и маршрутов, способных обеспечить потребности европейских государств.⁸⁶

Начиная с этого момента тенденция критического отношения к энергетическому сотрудничеству с Россией стала только набирать силу. С позиций концепции *Ostpolitik* данный феномен был закономерен и логичен, так как основной целью восточной политики, как упоминалось об этом ранее, являлась трансформация общества по

⁸⁵Kurpas S., Riecke H. The 2007 German EU Presidency: A Midterm Report / S. Kurpas, H. Riecke - Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies, 2007. - 69 p.

⁸⁶Rahr A. Germany and Russia: A Special Relationship / A. Rahr // The Washington Quarterly. - 2007. - № 30 (2). - P. 137-145.

демократическим лекалам, его приближение к европейским стандартам политических реалий. Однако сама структурная характеристика энергетической отрасли РФ не способствовала осуществлению правильного модернизационного направления: рынок природного газа фактически находился в руках госмонополии ("Газпром"), а экономические условия рынка нефти более походили на олигополическую модель. Тем самым пресловутое развитие "среднего класса", активизация его роли в энергетическом секторе сами собой были выведены за скобки и в ближайшем времени неосуществимы. Важность экономических связей в политике "*Wanderung durch Annäherung*" в данном случае не достигала своих поставленных задач, а значит, контакты в энергетической сфере могли быть безболезненно выведены из траектории следования логике восточной политики в подчинение лишь экономическим расчетам согласно выгоды или противоречивости поддержания дальнейших тесных связей в этом вопросе с Россией.

Большая доля поставок энергоносителей, приходящаяся на импорт из РФ, в конце концов, стала фактором того, что кризис 2006 г. был преодолен и в 2007 г. в ходе консультаций в период председательства Германии в ЕС в первом полугодии российской стороной Берлину и Брюсселю были предоставлены гарантии надежности и стабильности поставок, осуществляемых через транзитные страны в Европу. В данном аспекте особую важность приобрело продолжение работ, связанных с постройкой газопровода "Северный поток", прокладка которого не останавливалась, даже несмотря на противодействие ряда восточноевропейских стран (например, Польши), вызванное потенциальной угрозой снижения собственной значимости в энергетической инфраструктуре как государства-транзитера. Впрочем, уже накануне запуска первой ветки газопровода в 2011 г., во время заключительных консультаций российской и германской сторон, А. Меркель отказалась от идеи включения в проект третьей линии по дну Балтийского моря, инициатива постройки которой исходила лично от Д. Медведева.⁸⁷

Существовавший градус недоверия, проявивший себя в вышеозначенном решении, за два года до этого в 2009 г. был все-таки снижен посредством учреждения Германо-российского агентства по энергетике⁸⁸, цель деятельности которого состояла в кооперации двух сторон, направленной на элиминацию барьеров в тех сферах, где наблюдалась определенная нехватка возможностей друг друга. Так, Россия брала на себя

⁸⁷ Meister S. Entfremdete Partner: Deutschland und Russland / S. Meister // OSTEUROPA. - 2012. - № 62. - S. 475-484.

⁸⁸ Adomeit H. German-Russian Relations: Balance Sheet since 2000 and Perspectives until 2025 / H. Adomeit - Bruxelles: Comité d'études des relations franco-allemandes, 2012. - 36 p.

ответственность за разведку новых месторождений, в то время как Германия осуществляла поставки высокотехнологического оборудования, необходимого для извлечения энергоресурсов из пластов земной коры. Вдобавок, параллельно рассматривалась возможность модернизации пропускной способности большей части трубопроводов за счет применения тех же немецких технологий. Однако при этом нужно помнить тот факт, что такая деятельность идейно не являлась частью пресловутого "модернизационного партнерства", а была исключительно производной цели обеспечения необходимых потребностей экономики Германии в энергоносителях.

Примечательно, что в данный период времени "Газпром" усиливает собственную активность на немецком энергетическом рынке. Так, осенью 2011 г. российская компания приобретает такого поставщика электроэнергии, как *Evacom Service GmbH*, а в 2013 г. совместно с немецкой фирмой *Wintershall* производит двусторонний обмен активами, по результатам которого "Газпром" входит в сферу торговли и хранения газа, не ограничиваясь лишь его поставками и добычей.⁸⁹ При этом риторика диверсификации маршрутов энергоносителей в Германии ни в коем случае не сходит на "нет", а лишь частично уходит на второй план. Начиная с пресловутого 2006 г. в энергетической сфере происходит параллельное существование двух противоположных сюжетов, которые могут проявляться по-разному одновременно. После начала Украинского кризиса и очередной угрозы дестабилизации транзитных поставок через данное государство топлива в Европу дискурс диверсификации приобретает новую силу, однако в очередной раз кардинально не перевешивает в свою сторону, на что обращает внимание риторика, связанная с проектом "Северный поток-2". Несмотря на общее обострение ситуации в регионе и открытое противодействие Польши и стран Прибалтики немецкая политическая элита на данный момент не желает политизировать вопрос коммерческой сделки, предпочитая оставаться в стороне от соглашения немецких компаний с российским "Газпромом".⁹⁰

Таким образом, энергетическая сфера взаимоотношений между Россией и Германией в отличие от экономического сотрудничества в целом выведена как таковая из основ восточной политики, ибо она не содействует по своей сути процессам трансформации российского общества. Однако ввиду важности поставок энергоресурсов для обеих сторон

⁸⁹ Белов В.Б. Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и ФРГ / В.Б. Белов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 392 -453.

⁹⁰ Gas-Pipeline "Nord Stream": EU-Kommission stellt sich gegen Bundesregierung [Электронный ресурс]: Spiegel Online Wirtschaft, 2016. - URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/nord-stream-eu-kommission-gegen-gas-pipeline-aus-russland-a-1076758.html> (accessed 03.04.2016).

данная область кооперации является одной из ключевых. В целом по причинам нацеленности немецкой политической элиты на сокращение в среднесрочной перспективе своей энергетической зависимости от внешних акторов, чему свидетельством является программа "Энергетическая концепция Германии - 2050", постепенно роль энергетики в двусторонних отношениях РФ и ФРГ должна пойти на спад. Такое положение дел неминуемо повлияет на экономическую повестку дня всего комплекса взаимодействия и заново определит его составляющие.

Итак, российско-германские отношения на современном этапе в рамках концепции *Ostpolitik* явно лежат на линии продолжения сотрудничества и разрешения возникающих кризисных моментов мирным путем. До Украинского кризиса в политике "модернизационного партнерства" определенной доминантой являлись экономические взаимоотношения, посредством активного ведения которых виделась возможность достижения развития "среднего класса" и ускорения процессов общественной трансформации. Однако впоследствии данный фактор стал в очевидное подчинение политической составляющей, где с каждым годом, в особенности после возвращения В.В. Путина на должность президента РФ, усиливается роль демократических преобразований и политики развития гражданского общества. Тем самым утверждается единство концепции *Ostpolitik* в целом, как это и наблюдалось в первоначальном ее варианте времен деятельности В. Брандта и Э. Бара, где сближение с восточными по отношению к ФРГ странами рассматривалось как комплекс всех контактов, независимо от сферы приложения усилий. Коалиционные договоры партий, находившихся у власти в течение последних трех сроков канцлерства А. Меркель, ярко иллюстрируют данный момент.

Украинский кризис явился своеобразной поворотной точкой внутри концепции восточной политики, при этом не отвергнув всех ее базовых начал. Он стал своего рода фактором дестабилизации системы европейской безопасности, а вследствие этого предопределил жесткую реакцию со стороны европейских государств. Сама ее суть не противоречит положениям *Ostpolitik*, а лишь делает акцент на необходимости проявления на правительственном уровне импульса готовности к внутренним изменениям с российской стороны. В этой связи не следует забывать о европейской направленности политики "*Wanderung durch Annäherung*", где объектом притяжения исконно считались западноевропейские страны, передавшие позиции в этом вопросе такому политическому образованию, как Европейский союз.

Глава 3. Восточное партнерство ЕС как составляющая концепции Ostpolitik

Проект Европейского союза под названием "Восточное партнерство" по сути своей явился своеобразным углублением, интенсификацией связей и сотрудничества с рядом стран, географически близко расположенных к границам ЕС и представляющих большой интерес для объединенной Европы в плане осуществления проектов, предусматривающих в себе определенные интеграционные перспективы. Все эти 6 государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина) до этого входили в сферу проведения Европейской политики соседства и таким образом во многом стали странами, внутренне подготовленными к новому этапу выстраивания тесных взаимоотношений с Евросоюзом. Несмотря на то, что инициатива касательно необходимости перехода к данному витку

интенсификации сотрудничества исходила от польской и шведской сторон, немецкая политическая элита с первых шагов оказала значительное влияние на выстраивание общей концепции кооперации с этими государствами.⁹¹ Именно положения восточной политики в своей основе значительным образом отразились на Восточном партнерстве, в некоторой степени изменив его потенциальные задачи и конечные цели.

Идея была представлена на Совете министров иностранных дел стран-членов ЕС в мае 2008 г. Р. Сикорским, представлявшим польскую сторону, и в своей первоначальной перспективе являлась логическим продолжением политики расширения Евросоюза на восток, последняя волна которого завершилась буквально накануне - в 2007 г. - включением в число стран-членов Болгарии и Румынии.⁹² Сама Польша также являлась новым членом ЕС, войдя в его структуры в 2004 г., и поэтому проецировала политику расширения, в которой участвовала сама, на регионы, расположенные еще восточнее по отношению к ЕС. Государства же в целом, принадлежащие к числу основателей европейского интеграционного объединения, и ФРГ в частности основывались в своем видении политики расширения на других факторах, где на первый план выходила необходимость проведения внутренних реформ в рамках Евросоюза в целях недопущения рассеивания центра политических решений, что впоследствии стало одной из причин принятия Лиссабонского договора. Незавершенность реформ согласно Копенгагенским критериям, касающимся уровня госдолга и дефицита бюджета от ВВП, в странах, включенных в ЕС, придавала дополнительный импульс процессу пересмотра подхода к интеграционной политике. К тому же для немецкой политической элиты было важно учитывать российско-германский вектор двусторонних отношений, который в данный период времени имел большие шансы выйти на новый уровень сотрудничества.

В данных условиях под влиянием Германии концепция Восточного партнерства была сведена лишь к дискурсу интенсификации двусторонних связей вышеупомянутых шести государств с ЕС, проведения реформ внутри этих стран, политически и экономически сближающих их со странами-членами, однако риторика потенциального включения в структуры Евросоюза была выведена за скобки и открыто не упоминалась. Здесь стоит вспомнить идейную составляющую концепции *Ostpolitik*, которая никогда не базировалась

91 Zielińska A., Longhurst K. The Eastern Partnership – Context and Reactions from a Troubled Neighbourhood/ A. Zielińska, K. Longhurst - Warsaw: COLLEGIUM CIVITAS. Forging a new European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership, 2009. - P. 29-50.

92 Kolodziej T. The Eastern Partnership / T. Kolodziej // Finance: Challenges of the Future. - 2014. - № 16. - P. 16-35.

на возможности форсирования процессов трансформации и быстрого достижения поставленных целей, а наоборот, придерживалась "политики малых шагов", выстраивания градуалистского подхода к изменениям, не возводя интеграцию в абсолют. В региональном же плане восточная политика, как говорилось ранее, ориентировалась не только на отношения Берлина и Москвы, но и на выстраивание тесных экономических, политических, общественных связей со странами Восточной Европы, рассматривая их в качестве своеобразной передовой модернизационных процессов. Данная установка, в свою очередь, предполагала противоположную тенденцию, заключающуюся в необходимости организации особого формата взаимоотношений со странами этого региона, который был бы тесно вплетен в общую структуру европейской системы взаимоотношений. На современном этапе неотъемлемой частью такой структуры стал Европейский союз, факт существования которого определял процесс выстраивания отношений с новыми объектами восточной политики в данном регионе именно через призму интеграционных процессов. В итоге под воздействием двух разнонаправленных сил идея Восточного партнерства оформилась в качестве средней траектории, подразумевавшей тесные контакты с ЕС, но открыто не ведущей к включению данных стран в структуру европейского объединения.

Вступление в силу инициативы было осуществлено уже в мае 2009 г. на Пражском саммите⁹³, ставшем первым подобным событием в истории Восточного партнерства, в ходе которого была принята Совместная декларация. В ней излагались основные шаги, которые ЕС и шесть вышеозначенных стран должны предпринимать в рамках политики постепенного присоединения последних к внутреннему рынку Евросоюза. Данные меры в своей основе сводились к следующему: приближение политических структур к аналогам государств-членов европейского объединения, создание зон свободной торговли, постепенная либерализация визовых режимов до потенциального уровня их отмены, а также широкий набор положений, затрагивающих вопросы демократических преобразований, формирования гражданского общества, трансграничных общественных контактов и энергетической безопасности. Показателен тот момент, что среди высших официальных лиц, к примеру, на данном саммите присутствовала лишь А. Меркель, в то время как остальные страны Западной Европы не проявили значительного интереса к

⁹³Абашидзе А.Х. «Восточное партнерство»: миф и реальность / А.Х. Абашидзе // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2014. - № 6 (293). - С. 77-82.

этому событию, на котором их стороны были представлены на более низком уровне, чем главная политическая фигура государства.⁹⁴

Впрочем, при этом в то же время, несмотря на непосредственное воздействие немецкой политической элиты на процесс оформления Восточного партнерства, нельзя переоценивать дальнейшее участие политических сил Германии в процессе его развития, памятуя о том, что данный проект неминуемо рассматривается через призму европейской интеграции, где ведущую роль, несомненно, играет Брюссель. Уместность применения положений *Ostpolitik*, однако, не нарушается этим фактом, так как сама концепция восточной политики есть проявление своеобразной европеизации немецкой внешней политики, где наряду с интересами Германии существуют идеи сближения с наднациональным образованием. Немецкая политическая элита в этом проекте видит свою роль в качестве одного из регуляторов веховых событий, предоставляя право непосредственного взаимодействия со странами Восточной Европы Евросоюзу в вопросах имплементации модернизационных требований. Положения, определившие Восточное партнерство и озвученные выше, лежат в одном русле с концепцией *Ostpolitik*, формируя своеобразный симбиоз национального и наднационального уровней взаимодействия.

Вдобавок, стоит также обратить внимание на преобразование самой политики "*Wanderung durch Annäherung*", лежащей в ядре восточной политики, в формулировку "*Wanderung durch Verflechtung*" ("изменение через переплетение" или "изменение через интеграцию")⁹⁵, идея которой родилась еще в ходе председательства ФРГ в ЕС в первой половине 2007 года. Благодаря концептуальной замене второго слова происходит обращение к более глобальной постановке вопроса, где политика в отношении стран Восточного партнерства видится не столько через призму приближения к нормам Европейского союза как к неким шаблонам, являющим потенциальную цель, сколько через понятия сознательного формирования политических и экономических структур, идейно совместимых с проектом европейской интеграции и тем самым определенно открывающих дорогу к включению этих государств в общий интеграционный проект, хотя явно при этом не заявляя о его экстраполяции на данные шесть стран.

94[□]Martínezgarnelo y Calvo G. The Eastern Partnership as an expression of the European Neighbourhood Policy: reinforcing the European normative power with the Eastern partners / G. Martínezgarnelo y Calvo // Eastern Journal of European Studies. - 2014. - № 5 (1). - P. 131-143.

95[□]Ochmann C. Die Zukunft der Östlichen Partnerschaft aus deutscher Sicht / C. Ochmann // The EU, Germany, Central Europe and Russia: determinants of the EU's foreign policy towards Russia / ed.: B. Vesela. - Prague: Friedrich Ebert Stiftung, 2011. - P. 199-214.

В вышеозначенных условиях также приобретает особую роль разделение этих государств на группы в зависимости от их успехов в рамках претворения в жизнь намеченных модернизационных мер, где в определенной степени на особой ступени взаимоотношений с ЕС стоят такие 3 страны, как Молдавия, Грузия и Украина, в то время как Азербайджан и Армения находятся на более низком уровне сотрудничества, а Белоруссия во многом на начальной стадии взаимоотношений согласно идеи Восточного партнерства. Такая градация позволяет взглянуть под разным углом на идейное ядро кооперации с каждым из государств в отдельности, а также выявить те проблемные моменты, с которыми сталкивается конкретная страна. Концепция восточной политики неизменно представляет собой единый конструкт и, следовательно, чувствительно реагирует на состояние дел в каждой из составляющих сфер сотрудничества.

1) Молдавия, Грузия, Украина: авангард Восточного партнерства

Три страны, обладающие наиболее развитым уровнем взаимодействия с ЕС в рамках Восточного партнерства (Молдавия, Грузия, Украина), отличается от других наличие Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, содержащего как политическую, так и экономическую часть. В случае с Молдавией и Грузией данное соглашение было парафировано в ходе проведения Вильнюсского саммита Восточного партнерства в ноябре 2013 г., а подписано, в свою очередь, в июне в Брюсселе⁹⁶; Украина же ввиду внутренних и внешних факторов, отразившихся на возникновении в дальнейшем кризисной ситуации, процесс подписания разбила на две части: в марте 2014 г. подпись была поставлена под политической составляющей Соглашения, а в июне 2014 г. - под экономической частью.⁹⁷ Во многом каждая из данных стран прошла свой, отличный от других путь к переходу взаимоотношений на данный уровень, который не преминул отобразиться на конечном итоге.

Сильной стороной Молдавии в двусторонних взаимоотношениях с ЕС, к примеру, выступали экономические связи, где импорт и экспорт, приходившийся на страны объединенной Европы равнялся примерно 50%. Этому способствовало и осуществление процесса имплементации зоны свободной торговли, в рамках которого на первоначальном

96[□] Östliche Partnerschaft: Näher und intensiver zusammenarbeiten [Электронный ресурс] :официальный сайт Федерального правительства ФРГ, 2014. - URL : <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2014/05/3014-05-28-merkel-drei-ministerpraesidenten.html> (accessed 11.04.2016).

97[□] Влах В.К. Проект «Восточное партнерство»: проблемы и перспективы развития на современном этапе / В.К. Влах // Власть. - 2015. - № 2. - С. 25-32.

этапе были сняты тарифы на отдельные молдавские товары, представлявшие наибольший интерес для экономики. Однако проблемным моментом в общей модернизационной повестке дня стал выступать вопрос относительно необходимости проведения реформы правовой системы, тесно связанный с высоким уровнем коррупционной составляющей, сохранявшейся в Молдавии. Последняя черта несомненным образом отражалась на неэффективности самой экономической модели, функционирующей в государстве, которая характеризовалась высокой степенью монополизации, слабым присутствием конкурентных сил, а также клановостью в наиболее важных отраслях экономики. К тому же медленная политическая трансформация системы сказывалась и на ходе осуществления плана либерализации визового режима, развернутого в 2010 г. и состоявшего из двух фаз, где сперва предполагалась лишь гармонизация законодательства и проведение внутренних реформ, а впоследствии должен был начаться процесс имплементации новых правовых реалий.⁹⁸

Вдобавок, общее положение дел осложнялось наличием неразрешенного конфликта в Приднестровье, население которого упорно не желало ассоциировать себя с политикой, проводимой Кишиневом. В этой ситуации свою роль играла и особая ориентация региона, грозившего отделением, на Россию, рассматриваемая в качестве противопоставления официальной линии на сближение с ЕС. Именно данный вопрос стал заглавным в ходе посещения Молдавии федеральным канцлером А. Меркель в августе 2012 г.⁹⁹, который фактически явился первым приездом лица такого уровня, представляющего Германию, в эту страну. В его рамках А. Меркель в очередной раз, как ранее это было в германо-российских отношениях, подняла проблему необходимости активизации деятельности в рамках формата 5+2 по разрешению данного кризиса. Особая заинтересованность немецкой стороны при этом постулировалась той же концепцией восточной политики, согласно которой политическое, экономическое и общественное сближение невозможно в условиях наличия конфликтного потенциала, способного обернуться полноценной угрозой ситуации стабильности и безопасности.

В итоге Берлин, следуя избранной им модели обеспечения внешней защиты внутренним модернизационным процессам, происходящим в рамках Восточного

98[□] Delcour L. Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects / L. Delcour // Problems of Post-Communism. - 2015. - № 62 (6). - P. 316-327.

99[□] Wittrock Ph. Merkel-Besuch in Chisinau: Auf ein Gläschen nach Moldau [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2012. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/merkel-in-moldau-ringen-um-den-transnistrien-konflikt-a-851524.html> (accessed 11.04.2016).

партнерства, стал акцентировать внимание на необходимости снижения напряжения в рассматриваемом регионе, параллельно активизируя риторику поощрения усиления взаимодействия Молдавии с ЕС. Так, в апреле 2014 г. министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер совместно со своим французским коллегой Л. Фабиусом, посещая Кишинев, заявили о крайней важности разрядки той ситуации, которая сложилась вследствие начала Украинского кризиса и которая осложняется наличием конфликтного потенциала внутри той же Молдавии.¹⁰⁰ Данная позиция тесно переплетена с оценкой влияния РФ в данном регионе и отчетливо иллюстрирует готовность немецкой политической элиты продолжать вектор кооперации внутри Восточного партнерства вне зависимости от возникающей вследствие этого напряженности в русско-германских отношениях.

Аналогичной логики придерживалась и линия выстраивания отношений между ЕС и Украиной, где роль фактора безопасности и стабильности выходила на первый план. Развертывание Восточного партнерства фактически совпало темпорально с приходом на пост президента Украины В. Януковича, политика которого старалась придерживаться двойного курса лавирования между сотрудничеством с Россией и Евросоюзом. Старт деятельности по организации зоны глубокой и всеобъемлющей свободной торговли пришелся на 2012 г.¹⁰¹, хотя переговоры на эту тематику велись еще с 2008 г., а сама Украина первоначально рассматривалась в качестве ведущей страны Восточного партнерства в отношении процессов модернизации. При этом параллельно возможность вхождения в Таможенный союз публично не отрицалась и даже делались высказывания, выражающие готовность украинской элиты приспособить местное законодательство к требованиям данного объединения. Такая позиция неминуемо вызывала недовольство в Брюсселе и в странах-членах Евросоюза относительно неопределенности поведения Киева.

Своеобразной высшей точкой противоречивости выбранного Украиной курса стала ситуация, сложившаяся после отказа В. Януковича на Вильнюсском саммите Восточного партнерства подписать Соглашение об ассоциации с ЕС в пользу проекта евразийской интеграции. Политическое решение элиты вошло в определенную конфронтацию с тем образом, который в течение продолжительного времени поддерживался среди населения

¹⁰⁰ Weiland S. Georgien, Moldau, Tunesien: Steinmeier und Fabius auf gemeinsamer Krisen-Mission [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/steinmeier-und-fabius-besuchen-georgien-moldau-und-tunesien-a-965601.html> (accessed 11.04.2016).

¹⁰¹ Ferreira-Pereira L.C., Vieira Guedes Vysotskaya A. Ukraine in the European Union's Partnership Policy: A Case of Institutionalized Ambiguity / L.C. Ferreira-Pereira, A. Vieira Guedes Vysotskaya // European Politics and Society. - 2015. - № 16 (2). - P. 143-158.

страны относительно вектора модернизации, что в итоге привело к массовым выступлениям и началу политического кризиса в стране.¹⁰² Необходимо при этом понимать, что на последующую реакцию со стороны европейской, в том числе и немецкой, политической элиты, оказала свое влияние опять же концепция восточной политики, которая постулировала необходимость углубления развиваемых в течение предыдущего периода связей и отсутствия отхода от той политики, которая проводилась в жизнь до этого периода. Усиление экономических связей, где, к примеру, в 2013 г. экспорт товаров и услуг из Украины в ЕС вырос на 30%, а импорт из ЕС в Украину увеличился на 22,2%, подкрепленное высокой долей поддержки европейского вектора развития среди населения (примерно равной 50%)¹⁰³ указывали на тот факт, что сотрудничество с Евросоюзом не должно было стать легко обратимой тенденцией, а наоборот, превратиться в долгосрочную перспективу. С самого начала Украинского кризиса именно федеральный канцлер Германии А. Меркель позиционировала себя в качестве активного посредника по урегулированию конфликта, инициировав многочисленные консультации как с российской, так и с украинской стороной, тем самым стремясь обеспечить внешнее состояние стабильности, необходимое для процесса сближения.¹⁰⁴

В случае с Грузией концепция *Ostpolitik* проявила себя в качестве единого комплекса мер посредством обращения особого внимания на другие сферы взаимодействия: на экономическую и демократическую. В ходе схожих развернутым с Украиной переговоров по созданию зоны глубокой и всеобъемлющей свободной торговли Тбилиси долгое время неохотно шел на соответствие требованиям органов ЕС касательно создания новой системы проверок и сертификации качества производимой продукции взамен устаревших норм, разработанных еще во времена ГОСТа СССР. Попытки грузинских властей ограничить действие данных инструментов сферой распространения лишь на те фирмы и компании, что уже являлись активными сторонниками введения вышеупомянутой системы, не увенчались успехом.¹⁰⁵ Европейская позиция в этом отношении оказалась неизменной, так как по определению частичная модернизация исключалась из содержания

102[□]Havlik P. Vilnius Eastern Partnership Summit: Milestone in EU-Russia Relations--Not Just for Ukraine / P. Havlik // Danube: Law and Economics Review. - 2014. - № 1. - P. 21-51.

103[□]Barata P. Ukraine, EU and Russia: Soft Power versus Realpolitik? [Электронный ресурс]: Janus.Net: e-Journal of International Relations. - 2014. - № 5 (1). - P. 31-47. - URL: http://observare.ual.pt/janus.net/images/stories/PDF/vol5_n1/en/en_vol5_n1_art3.pdf (accessed 12.04.2016).

104[□]Wittrock Ph., Schmitz G.P. Crimean Crisis: All Eyes on Merkel [Электронный ресурс]: Spiegel Online International, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/international/world/angela-merkel-plays-central-role-in-russia-diplomacy-over-crimea-a-956834.html> (accessed 12.04.2016).

105[□]Delcour L. Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership / L. Delcour // East European Politics. - 2013. - № 29 (3). - P. 344-357.

Восточного партнерства. В его рамках каждая из четырех сфер сотрудничества должна была быть согласована в своем развитии друг с другом, тем самым иллюстрируя комплексный подход, характерный в целом восточной политике.

Давление на официальные власти по данному экономическому вопросу было сопряжено одновременно и с активной позицией взаимодействия Евросоюза и грузинских неправительственных организаций наряду с оппозиционными силами. Тематика становления гражданского общества тем самым получала дополнительный стимул в модернизационной риторике посредством активизации деятельности Форума гражданского общества Восточного партнерства. Примечательно, что в 2011-2013 гг. органами ЕС на эти цели была выделена сумма в 22 млн. евро, а задачи определены в рамках трех равнозначных компонентов: усиления роли гражданского общества в политической системе, поддержки деятельности неправительственных организаций в вопросах осуществления региональных и государственных проектов, а также продвижения инклюзивного подхода к внутренним реформам.¹⁰⁶ Именно деятельность ряда неправительственных организаций непосредственным образом при поддержке Европейского союза отразилась на решении грузинских официальных властей принять в полной мере схожую европейским стандартам систему сертификации. Вдобавок, в 2014 г. в ходе посещения Грузии министром иностранных дел Ф.-В. Штайнмайером¹⁰⁷ был затронут вопрос установления тесных контактов между местными бизнес-кругами и немецкими компаниями, процесс активизации которых определенно будет способствовать улучшению связей с ЕС в целом и привлекать все в больших масштабах европейский капитал в страну.

Концепция *Ostpolitik* в содержательном плане Восточного партнерства тем самым при взаимодействии с авангардом модернизационного процесса, представленного Молдавией, Украиной и Грузией обращала внимание, в первую очередь, на демократические преобразования, осуществляемые в данных государствах, а также на обеспечение условий внешней безопасности и стабильности с целью этапности проведения требуемых трансформаций и недопущения эффекта их прерванности. Особое положение этих трех стран в отношении российской политики налагало обязательства на немецкую сторону как

¹⁰⁶ Rommens Th. The Eastern Partnership: civil society in between the European and domestic level: the case of Georgia / Th. Rommens // East European Politics. - 2014. - № 30 (1). - P. 54-70.

¹⁰⁷ German support for Georgia [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2015. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/151028_Steinmeier_trifft_Kwirikaschwili.html (accessed 12.04.2016).

на одного из апологетов проведения вектора преобразований по заверению правительств вышеупомянутых государств в своей поддержке, а также разрешению острых территориальных конфликтов, которые существовали и продолжают сохранять свою актуальность на их территории (Приднестровье, Донбасс, Южная Осетия).

2) Армения и Азербайджан: переход к особым отношениям с ЕС

Географически не являясь частью Восточной Европы, а принадлежа, скорее, к региону Кавказа, Армения и Азербайджан тем не менее стали полноценными участниками Восточного партнерства ЕС, нацеленного на содействие усилению двусторонних связей с европейским политическим объединением. Тем самым положения концепции восточной политики имплицитно были перенесены и на взаимоотношения с данными странами в модернизационной перспективе, однако ввиду отдельных особенностей, ставших характеристикой сотрудничества каждой из этих стран, им не удалось достичь высокого уровня кооперации с Евросоюзом. При этом Армения явно сохраняет свой импульс к поддержанию всей системы взаимоотношений с ЕС, предусмотренной Восточным партнерством как единое целое, в то время как Азербайджан прилагает усилия к модификации единой платформы с учетом оформления собственных интересов в отдельную линию.

В случае с Арменией участие в программах Восточного партнерства после президентских выборов 2008 г. и связанных с ними событий массового недовольства населения их результатами политической элитой Еревана рассматривалось в качестве своеобразного акта собственной легитимации путем взятия на себя обязательств относительно следования модернизационным европейским курсом. С государством наряду с другими "восточными партнерами" были развернуты в 2010 г. переговоры по организации зоны глубокой и всеобъемлющей свободной торговли, результатом которых стала активная фаза приведения законодательства Армении в состояние совместимости с европейскими установками. Вдобавок, осуществляемые действия трансформационного характера носили неярко публичный характер, что влекло за собой низкую долю споров, возникающих между национальными властями и структурами ЕС, и общую интонацию достижения прогресса в двусторонних отношениях.¹⁰⁸

¹⁰⁸ Delcour L. Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects / L. Delcour // Problems of Post-Communism. - 2015. - № 62 (6). - P. 316-327.

Вследствие вышеозначенных факторов решение президента Армении С. Сарксяна по вступлению страны в евразийский интеграционный проект, озвученное им в сентябре 2013 г. и осуществленное им в октябре 2014 г. путем подписания договора о присоединении к ЕврАзЭС, стало довольно неожиданным для Евросоюза и противоречащим изначальной проевропейской модернизационной риторике.¹⁰⁹ С точки зрения концепции восточной политики установленные экономические, политические и общественные связи между двумя сторонами должны были с каждым годом усиливать тенденцию интенсификации отношений с ЕС, однако в итоге произошло событие, кардинально противоположное данной цели. Здесь активную роль сыграл внешний фактор, который для *Ostpolitik* всегда выступает в качестве одного из определяющих, а именно фактор безопасности и стабильности. Только в данном случае из-за малой вовлеченности евроструктур в его управление и приспособление к новым условиям он оказал противоположное влияние всему проекту Восточного партнерства.

Кризис вокруг региона Нагорного Карабаха, принадлежащего Азербайджану, но населенного преимущественно армянами, имел жизненно важное значение для Армении с момента распада СССР. Миротворческой силой при этом выступала Россия, на которую Ереван возлагал большие надежды в вопросе урегулирования конфликта. Заверения объединенной Европы в лице федерального канцлера А. Меркель по активному вовлечению в процесс поддержания мирной обстановки и постепенного ослабления напряженной ситуации, данные еще в 2009 г.¹¹⁰, фактически не соответствовали тем инструментам, которыми располагал ЕС в данном вопросе. В отношении поддержания безопасности и состояния стабильности в регионе Армения продолжала опираться на военный контингент и гарантии, предоставленные российской стороной.¹¹¹ В такой ситуации причиной политического разворота неминуемо стали соображения защищенности и безопасности, которые имели явный приоритет перед модернизационной риторикой, пересилив то воздействие, что в рамках концепции восточной политики рассматривалось в качестве долговременной направленности. Впрочем, обращение к евразийскому интеграционному проекту не перечеркнуло предыдущие годы

109[□]Freire M.R., Simão L. "From words to deeds": European Union democracy promotion in Armenia / M.R. Freire, L. Simão // East European Politics. - 2013. - № 29 (2). - P. 175-189.

110[□] Демидова О. Ангела Меркель пообещала содействие в урегулировании карабахского конфликта [Электронный ресурс]: Deutsche Welle, 2010. - URL: <http://goo.gl/vmOLSI> (дата обращения: 15.04.2016).

111[□] Вардазарян М.Е. Республика Армения перед выбором между новыми инициативами Российской Федерации и «Восточным партнёрством» Евросоюза / М.Е. Вардазарян // Вестник МГИМО Университета. - 2014. - № 1. - С. 31-36.

сотрудничества с ЕС, а стало дополнительным выбором Армении на пути демократизации. Ереван и Брюссель не перестают делать совместные заявления относительно того, что политика кооперации будет продолжена, но теперь уже, правда, в новом ключе.

Фактор безопасности, оказавший значительное влияние на взаимоотношения Армении и ЕС, в случае с Азербайджаном, несмотря на вышеупомянутый Нагорно-Карабахский конфликт, не имел принципиального значения. Здесь на первый план выступила позиция Баку в аспекте видения всей системы Восточного партнерства в перспективе сотрудничества с ЕС. Экономический модуль взаимодействия, выраженный в стремлении создать зону свободной торговли со странами-членами Евросоюза и во многом определявший желание других государств-участников Восточного партнерства, в данном случае был выведен за скобки по причине отсутствия Азербайджана среди членов ВТО. Вдобавок, президент И. Алиев неоднократно заявлял, что такой цели на повестке дня как таковой и не имеется, так как Баку стремится защитить местных производителей от пагубного влияния внешней конкуренции. Вопросы демократического сотрудничества, в свою очередь, в рамках Форума гражданского общества были сведены к контактам исключительно с неправительственными организациями, которые оказывали малое влияние на итоговое определение политики государства.¹¹²

Основным сектором выстраивания двусторонних отношений стала энергетическая область экономики, где после начала эксплуатации газового месторождения "Шах Дениз 2" наметились тенденции по активизации совместной кооперации ЕС и Азербайджана. Для европейской стороны ведущим фактором в этом процессе выступила интенсификация деятельности по диверсификации поставок энергоресурсов в Евросоюз, где Азербайджан потенциально рассматривался в качестве источника альтернативного маршрута. Соглашение между президентом И. Алиевым и главой Еврокомиссии Ж. М. Баррозу, подписанное в 2011 г., определило создание Южного газового коридора, который для ЕС стал важным моментом в его энергетической политике. Сотрудничество было продолжено, и в 2013 г.¹¹³ было принято решение касательно прокладки Трансадриатического газопровода, по которому газ начиная с 2019 г. должен пойти от месторождения "Шах Дениз 2" в Европу. Однако такое узкое направление двустороннего сотрудничества

112[□] Гомулка К. Реализация инициатив «Восточного партнерства» в Азербайджане / К. Гомулка // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - т. 7. - № 7 (1). - С. 46-55.

113[□] Шабельникова О.В. Сотрудничество Азербайджанской Республики и Европейского союза в рамках программы «Восточное партнерство» / О.В. Шабельникова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2014. - № 2 (39). - С. 350-357.

согласно концепции *Ostpolitik* не ведет к началу полноценного процесса трансформации общества, в особенности в условиях сосредоточения усилий в энергетической области, характеризующейся определенной закрытостью и оторванностью от демократических тенденций. Подтверждением этого факта выступили предложения Азербайджана после Вильнюсского саммита Восточного партнерства касательно того, что дальнейшие отношения Брюсселя и Баку должны строиться в рамках концепции стратегического партнерства, меняющей модернизационный характер двустороннего взаимодействия. В октябре 2014 г. министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер посетил столицу Азербайджана¹¹⁴, при этом предварительно включив в программу своего визита исключительно экономические вопросы, интересные в плане развития с точки зрения именно европейской и немецкой сторон, дополнив их тематикой гражданского общества в ходе встреч с представителями местных неправительственных организаций. Иными словами, тон кооперации был определенно снижен до уровня прагматического сотрудничества, где переход к более тесным контактам находится в прямой зависимости от желания местной политической элиты продолжать в дальнейшем идти путем трансформации.

3) Белоруссия: упор на необходимость демократических преобразований

Белоруссия как страна-участник Восточного партнерства располагает, как говорилось ранее, наименьшим уровнем развития взаимодействия со структурами ЕС. Такое положение дел во многом определилось фактом тесного сотрудничества с РФ, которое даже имеет форму Союзного государства. В экономическом плане страна с самых первых шагов входила в ядро евразийской интеграции, начавшейся в форме Таможенного союза. Данный факт накладывал явное ограничение на возможности Белоруссии по подключению страны к переговорам касательно установления зоны свободной торговли с ЕС. Вдобавок, политика действующего правительства и постоянная риторика со стороны Евросоюза относительно нарушений, практикуемых в ходе президентских выборов¹¹⁵, свидетельствует о том, что сфера демократических преобразований, на которую в сущности и нацелен модернизационный процесс, представляет собой крайне

¹¹⁴ Foreign Minister Steinmeier in Baku and Yerevan [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2014. - URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/AAmt/BM-Reisen/2014/10-AZE-ARM/AZE-ARM.html> (accessed 15.04.2016).

¹¹⁵ Summit meeting in Warsaw: Supporting democratic reforms [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федерального канцлера ФРГ, 2011. - URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/EN/Archiv17/Reiseberichte/pl-polen-merkel-demokratische-reformen.html> (accessed 16.04.2016).

противоречивую область, на кооперацию в рамках которой действующая власть не готова пойти. Начиная с 2004 г. Европейским союзом были введены персональные санкции в отношении ряда представителей политической элиты, которые обновлялись ежегодно и в отношении некоторых фигур актуальны и по сей день; вдобавок, в период с 2011 по 2016 гг. действовали санкции, введенные по отношению к ряду белорусских компаний и фирм и соответственно их продукции. Данные меры согласно заявлениям представителей ЕС были напрямую при этом связаны с давлением официальной власти на правительственную оппозицию и ее противодействием процессу становления гражданского общества.¹¹⁶

В таких условиях упор Европейского союза неминуемо делался на взаимодействии с неправительственными организациями как акторами, представляющими, в первую очередь, непосредственное население. Была развернута программа финансирования их деятельности, бюджет которой в общей сложности равнялся сумме в 300 млн. евро, а в 2012 г. была учреждена инициатива под названием "Европейский диалог по модернизации", в рамках которой стало осуществляться сотрудничество с гражданским обществом Белоруссии. При этом работа, развернутая с данными организациями, носила явный характер обратной связи, предоставляя им полное право устанавливать ту тематику в качестве первостепенно значимой, которая волновала, прежде всего, самих представителей гражданского общества, делая акцент на локальных корнях рождаемых инициатив.¹¹⁷ Активизация контактов с неправительственными организациями в итоге отразилась на смягчении двусторонних отношений ЕС и Белоруссии на правительственном уровне, что отразилось в приостановлении действия выше упомянутых санкций. Так, к примеру, в 2015 г. впервые состоялась встреча министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера и его белорусского коллеги В. Макея в Берлине, в ходе которой немецкой стороной были отмечены улучшения в демократическом плане во внутренней политике Белоруссии, открывающие в потенциальном свете перспективу интенсификации контактов государства с ЕС.¹¹⁸ Этот результат в очередной раз продемонстрировал тот факт, что для концепции восточной политики, в первую очередь,

116[□]Die Östliche Partnerschaft [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2016. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Europa/Erweiterung_Nachbarschaft/Nachbarschaftspolitik/Oestliche%20Partnerschaft_node.html (accessed 16.04.2016).

117[□]Korosteleva E.A. The European Union and Belarus: democracy promotion by technocratic means? / E.A. Korosteleva // Democratization. - 2016. - № 23 (4). - P. 678-698.

118[□]Steinmeier receives Belarusian colleague Makej in Berlin for the first time [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2015. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Belarus/151118_Makej.html (accessed 16.04.2016).

важна модернизационная сторона сотрудничества, где кооперация не рассматривается как самоцель, а является лишь методом достижения поставленных задач.

В целом, рассмотрение идеи "Восточного партнерства" позволяет подтвердить гипотезу относительно равнозначного расположения векторов взаимодействия со странами-членами инициативы и российско-германского сотрудничества. Само направление развертывания данного проекта в качестве логического продолжения политики расширения ЕС на восток не способствовало первоначально активизации связей со странами постсоветского пространства, так как такой шаг был бы преждевременным и неопределенным. Включение же в 2005 и 2007 гг. 12 стран Восточной и Центральной Европы в структуры Европейского Союза позволило сосредоточиться на внутреннем реформировании интеграционного объединения при одновременном развертывании умеренного аналога политики расширения, который в официальной риторике не рассматривался в качестве такового. Фактор Украинского кризиса стал показателен в этом аспекте, выявив долгосрочное стремление в том числе немецкой политической элиты придерживаться распространения политики "*Wanderung durch Annäherung*" не только на взаимоотношения с Москвой, но и со странами, ранее входившими в состав СССР. При этом Берлин отдавал прерогативу взаимодействия с этими государствами на европейский уровень, учитывая общую проевропейскую ориентацию концепции *Ostpolitik*, оставляя за собой обязанности по разрешению внешних угроз в виде кризисов в системе безопасности и стабильности в регионе. Успехи различных стран Восточного партнерства определялись отдельными чертами каждой, однако общий модернизационный тон оставался неизменен, формируя единый концепт восточной политики, применяемый вкуче к восточным соседям Германии.

Заключение

Концепция *Ostpolitik* в своей идейной основе была сформулирована еще в 60-70-е гг. XX в. федеральным канцлером ФРГ В. Брандтом и его верным соратником и советником Э. Баром. В тот период времени она преследовала в качестве одной из своих целей устранение неоправданного перевеса сотрудничества и кооперации ФРГ в сторону взаимодействия со странами Запада при одновременном факторе недооцененности наличия контактов с государствами Восточного блока. Формирование ее сущности при этом темпорально совпало с эпохой разрядки в биполярной системе, где тематика создания единой системы европейской безопасности и стабильности являлась одним из ключевых моментов выстраивания международных отношений в Старом Свете. Те инструменты и идеи, которые наполняли концепцию восточной политики, в итоге были призваны способствовать данному процессу нормализации политической ситуации в Европе, переводу взаимодействия в мирное русло. Налаживание отношений со странами советского блока как таковое вмещало в себя идейно установление тесных экономических, политических и человеческих контактов с этими государствами, которые бы постепенно запускали процесс трансформации общества посредством его демократизации. Начало активной фазы взаимодействия со странами Запада должно было повлечь за собой постепенное формирование нового класса людей, отличающегося высоким уровнем образования, профессиональных навыков, широтой кругозора, а следовательно, способного внутренне освободиться от внешних факторов давления. При этом данный процесс должен был протекать поэтапно и ни в коем случае не революционно, а его

результатом стала бы не простая либерализация коммунистических режимов по западному образцу, а модернизация существующего общества с учетом национальных характеристик. Именно тенденции модернизации были в центре концепции восточной политики и ее тактики "*Wanderung durch Annäherung*" ("изменение через сближение"), где так называемая стратегия "малых шагов" постулировала необходимость следования курсом осторожной трансформации общественных систем.

В региональном плане концепция *Ostpolitik* не концентрировалась лишь на взаимодействии ФРГ и СССР, а наоборот, во многом выдвигала на первый план сотрудничество со странами Центральной и Восточной Европы, которые, будучи расположенными в орбите коммунистического влияния, самостоятельно не являлись центрами притяжения политических сил, а следовательно, предоставляли возможность проведения более быстрого пути трансформации, не обремененного элиминацией глубоко укоренившихся структур и компонентов. Контакты же с Москвой, в первую очередь, были направлены на создание вышеупомянутой атмосферы стабильности и безопасности на европейском континенте, в условиях которой модернизационные процессы не были бы ограничены в своем проявлении системными препятствиями. Вдобавок, необходимость снижения напряженности в отношениях между государствами Европы требовала акцентирования внимания первоочередно на связях с официальными властями, а не диссидентским и правозащитным движением, дабы не повлечь за собой резкой реакции государств Востока, способной прервать модернизацию как таковую и даже вылиться в обострение трений внутри всей системы международных отношений.

Распад блока коммунистических государств и исчезновение фактора дуализма на европейском континенте не повлекли за собой идейной перестройки концепции восточной политики именно в силу той поэтапности и постепенности проводимых изменений, которые лежали в ее сущностном ядре. К тому же преемственность магистральных путей внешней политики, существующая внутри идейной палитры немецкой политической элиты, которая способствовала укоренению долгосрочных концепций вне зависимости от партийной принадлежности авторов, находящихся у их истоков, повлияла на тот факт, что концепция, изначально присущая мировоззрению социал-демократов, стала полноценной частью политического курса христианских демократов, превратившись в идею, не зависящую от состава конкретного правительства, в данный момент времени

находящегося у власти. Срок канцлерства А. Меркель в этой линии не стал исключением на протяжении всех трех коалиционных правительств, начиная с 2005 г.

Однако ряд изменений в европейской системе международных отношений все же неизбежным образом отразился на некоторых составляющих восточной политики. Так, к примеру, усиление интеграционных тенденций на континенте и оформление Европейского Союза как определенного наднационального объединения, сопряженное с территориальным распространением его влияния, трансформировал региональный вектор модернизационных процессов. Государства Центральной и Восточной Европы, которые до этого являлись объектами концепции *Ostpolitik*, добились значительных успехов на пути перехода к либерально-демократическому обществу и были включены в орбиту политики расширения ЕС, завершившейся их включением в 2004 и 2007 гг. В сложившихся условиях логичным продолжением контактов предыдущего периода с учетом раздвинувшего свои границы интеграционного объединения стала политика интенсификации взаимодействия со странами Восточной Европы, являвшимися частью постсоветского пространства, территориально расположенного между Евросоюзом и Россией. Именно эти государства составили тот второй региональный вектор восточной политики, который был направлен на трансформацию общества стран, являющихся частью европейской идентичности.

Российская Федерация при этом, являясь правопреемницей СССР, продолжила сохранять за собой статус особого, но равнозначного актора, с которым выстраивалось сотрудничество в рамках концепции восточной политики. Будучи ранее центром коммунистического блока, Россия как политическое образование обладала внутренней системой, которая характеризовалась устойчивыми историческими корнями и глубоко восприняла в себя влияние советского периода. Данное положение дел дополнительно пролонгировало долгосрочный характер трансформационных процессов, на первой ступени которых продолжали оставаться консультации в сфере безопасности и стабильности в Европе. В период канцлерства А. Меркель велись усиленные переговоры по заключению нового Соглашения между РФ и ЕС, которое, в том числе, содержало бы характер взаимодействий в вышеупомянутой области, не раз поднималась тематика урегулирования кризисов на постсоветском пространстве (Приднестровье, Южная Осетия). Однако отсутствие значимого продвижения в двусторонних отношениях было

явно показано в ходе Украинского кризиса, после которого риторика необходимости реформирования отношений в Европе приобрела новый импульс.

Параллельно с консультациями в сфере безопасности в отношениях с Россией активизировалось демократическое направление концепции *Ostpolitik*, что стало особенно заметно в течение периода нахождения у власти третьего коалиционного правительства, возглавляемого А. Меркель. Возвращение на должность президента РФ В.В. Путина явилось своеобразным катализатором усиления модернизационного нарратива в плане процессов формирования гражданского общества в России. Начиная с 2012 г. этому компоненту начинает придаваться особая роль в функционировании "Петербургского диалога" как особой площадки германо-российского взаимодействия, а в риторике по отношению к Москве усиливается градус критичности касательно практики нарушения демократических основ общества и интенсификации авторитарных тенденций. Данный факт в очередной раз показывает цельность концепции восточной политики, где все ее составляющие равнозначны, а их влияние направлено на сближение с европейским пространством.

Однако примечательно, что долгое время экономическая составляющая отношений ФРГ и РФ в современный период строго рассматривалась в качестве фактора, который способен сохранить общее состояние сотрудничества на высоком уровне вне зависимости от любых кризисных тенденций. С одной стороны, общая логика модернизационного партнерства, развернутого с Россией в 2008 г., в основе которого лежала политика "*Wandel durch Handel*" ("изменение через торговлю"), способствовала поддержанию этой точки зрения. Поставки высокотехнологичного оборудования и его комплектующих, обучение местного персонала обращению с ним напрямую соответствовали цели формирования класса высокообразованных людей, готовых к либерализации политической системы, в которой они существуют. Правда, при этом определенно не учитывался фактор изменения конъюнктуры рынка, который неизбежно должен был отразиться на характере двустороннего сотрудничества. С другой стороны, медленное восстановление экономического роста после окончания мирового финансового кризиса повлекло за собой снижение интенсивности торговых связей между Германией и Россией, несмотря на сохранение генеральной линии *Ostpolitik* касательно необходимости развития отношений в данной сфере.

Вдобавок, энергетическая сфера как часть экономического сотрудничества в вопросе содержательного наполнения статей российского экспорта в Германию обладала явным первостепенным значением. При этом данная область характеризовалась слабым присутствием рыночных тенденций, высокой степенью монополизации и закрытости, что, в свою очередь, выводило ее из русла концепции восточной политики, так как процессы либерализации были малоосуществимы в условиях отсутствия конкуренции внутри системы и явной аффилиации с государственными структурами. Одновременно в самой Германии новый импульс приобретала тематика перехода к процессу диверсификации маршрутов поставок энергоносителей, что в сущности являлось тенденцией не только снижения уровня зависимости от России в данном вопросе, но и рациональной политикой в рыночных условиях. Иными словами, с учетом вышеозначенных характеристик экономическое сотрудничество ФРГ и РФ не могло считаться некоей константой, выведенной из-под влияния внешней системы.

Украинский кризис в сложившейся ситуации, однако, не стал поворотным моментом в магистральном курсе *Ostpolitik*. Он лишь в очередной раз подчеркнул характеристику равнозначности применительно не только к предметным сферам сотрудничества, но и к региональным его векторам. Проект "Восточного партнерства ЕС", учрежденный с государствами, принадлежащими к вышеупомянутому пространству Восточной Европы и частично Кавказа, также являлся долговременной тенденцией, которая не могла быть одномоментно свернута. Стремление шести стран (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина) к приближению собственных политических систем к европейскому пространству вне зависимости от успешности проводимых преобразований и трансформаций в каждом отдельном случае и процесс интенсификации с ними связей соответствовали общей модернизационной линии восточной политики. Обманчивое впечатление относительно подчиненности этого регионального вектора могло сложиться вследствие недавнего запуска самого проекта (2009 г.) и передачи основных функций на наднациональный уровень европейской интеграции. Однако концепция *Ostpolitik*, имея в своем ядре идею приближения именно к единому пространству Европы, а не к Германии как таковой, показала ошибочность такой точки зрения.

В отличие от российско-германских отношений вектор взаимодействия со странами Восточного партнерства проходил через Брюссель, а немецкая политическая элита возлагала на себя обязанности поддержания общей модернизационной риторики и

разрешения кризисов системы безопасности, которые бы возникали в ходе претворения в жизнь мер трансформации. В этом моменте два региональных вектора пересекались, так как они неминуемо требовали консультаций между Берлином и Москвой. Демократические и экономические же изменения осуществлялись в рамках соглашений с ЕС как касательно создания зоны свободной торговли, так и постепенной либерализации визового режима. В итоге сложилась ситуация, когда ряд стран, стоящих в авангарде Восточного партнерства (Молдавия, Украина, Грузия), продвинулись далее в процессах модернизации в рамках концепции восточной политики, чем РФ и страны, выбравшие ее центром своей ориентации. Данное положение дел при этом внутренне обострило обстановку.

Таким образом, в настоящее время тенденции равнозначности составляющих концепции *Ostpolitik* только усиливаются, вынуждая российскую сторону считаться с их существованием. Направленность идеи на демократические преобразования требует от политической элиты РФ принятия готовности совершить ряд шагов в этом направлении. Отказа от вектора взаимодействия со странами Восточного партнерства в ближайшем будущем не последует, а значит, состояние безопасности и стабильности в этом регионе будет продолжать оставаться на одном из первых мест на повестке дня. В целом характер кризисности отношений, наблюдаемый в современный период, как в свое время в 70-е гг. XX в., постулирует необходимость начала новой эпохи разрядки, которая напрямую была бы связана с европейским континентом. В этих условиях концепция восточной политики наряду с консультациями в сфере безопасности получает дополнительный импульс развития, говорящий о релевантности применения ее установок в будущем и об отсутствии тенденции их отмирания, несмотря на новые международные условия.

Список использованной литературы и источников

I. Источники:

1. Brandt W. Koexistenz – Zwang zum Wagnis / W. Brandt - Stuttgart: Deutsche Verlag, 1963. - 114 s.;
2. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU,CSU und SPD. - Berlin, 14.12.2013. - 130 s.;
3. Die Östliche Partnerschaft [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2016. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Europa/Erweiterung_Nachbarschaft/Nachbarschaftspolitik/Oestliche%20Partnerschaft_node.html (accessed 16.04.2016).;
4. Foreign Minister Steinmeier in Baku and Yerevan [Электронный ресурс] : офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2014. - URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/AAmt/BM-Reisen/2014/10-AZE-ARM/AZE-ARM.html> (accessed 15.04.2016).;
5. Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU,CSU und SPD. – Berlin, 11.11.2005. - 190 s.;
6. German support for Georgia [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2015. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/151028_Steinmeier_trifft_Kwirikaschwili.html (accessed 12.04.2016).;
7. Herkunft des Erdgas in Deutschland [Электронный ресурс]: Hufnagel Kl., Prangemeie Th. - Geschäftsführer. - URL: <http://www.kwh-preis.de/herkunft-des-erdgas-in-deutschland> (accessed 02.04.2016).;

8. Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz [Электронный ресурс] : офиц. сайт Федерального правительства ФРГ. - URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2015/02/2015-02-07-merkel-sicherheitskonferenz.html> (accessed 27.03.2016).;
9. Ölimporte und Rohölproduktion in Deutschland. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства экономики и энергетики ФРГ. - URL: <http://m.bmwi.de/DE/Themen/energie,did=159668.html> (accessed 02.04.2016).;
10. Östliche Partnerschaft: Näher und intensiver zusammenarbeiten [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федерального правительства ФРГ, 2014. - URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2014/05/3014-05-28-merkel-drei-ministerpraesidenten.html> (accessed 11.04.2016).;
11. Steinmeier receives Belarusian colleague Makej in Berlin for the first time [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерства ин. дел ФРГ, 2015. - URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Belarus/151118_Makej.html (accessed 16.04.2016).;
12. Summit meeting in Warsaw: Supporting democratic reforms [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федерального канцлера ФРГ, 2011. - URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/EN/Archiv17/Reiseberichte/pl-polen-merkel-demokratische-reformen.html> (accessed 16.04.2016).;
13. Обзор торговых отношений России и Германии в 2014 г. [Электронный ресурс]: единый информационный портал. - URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2407/> (дата обращения: 29.03.2016).;
14. Петербургский диалог. История форума [Электронный ресурс]: офиц. сайт форума гражданских обществ России и Германии. - URL: <http://petersburger-dialog.ru/home/istoriya.html> (дата обращения: 25.03.2016).

II. Литература:

1) Монографии:

1. Adomeit H. German-Russian Relations: Balance Sheet since 2000 and Perspectives until 2025 / H. Adomeit - Bruxelles: Comité d'études des relations franco-allemandes, 2012. - 36 p.;
2. Blasius R. Von Adenauer zu Erhard: Studien zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland 1963 / R. Blasius - München: R. Oldenbourg Verlag, 1994. - 222 s.;
3. Dannenberg J. The Foundations of Ostpolitik: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR: The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR / J. Dannenberg - Oxford: OUP Oxford, 2008. - 260 p.;
4. David M., Gower J., Haukkala H. National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making? / M. David, J. Gower, H. Haukkala - NY: Routledge, 2013. - 276 p.;
5. Fink C., Schaefer B. Ostpolitik, 1969-1974: European and Global Responses / C. Fink, B. Schaefer - Cambridge: Cambridge University Press, 2011. - 322 p.;
6. Fischer F. Im deutschen Interesse: Die Ostpolitik der SPD von 1969 bis 1989 / F. Fischer - Husum: Matthiesen Verlag, 2001. - 460 s.;

7. Kurpas S., Riecke H. The 2007 German EU Presidency: A Midterm Report / S. Kurpas, H. Riecke - Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies, 2007. - 69 p.;
 8. Kuschel S. Die neue Ostpolitik: Entspannung unter der Regierung Brandt / Scheel (1969-1974) / S. Kuschel - Norderstedt: GRIN Verlag, 2011. - 24 s.;
 9. Maul C. Egon Bahr und die Ostpolitik der sozialliberalen Koalition / C. Maul - Stuttgart: Universität Stuttgart, 2004. - 36 s.;
 10. Mitrany D. The Functional Theory of Politics / D. Mitrany - London: School of Economics & Political Science, 1976. - 294 p.;
 11. Noack A. The "Ostpolitik" of the Social-liberal Coalition / A. Noack - Norderstedt: GRIN Verlag, 2003. - 28 p.;
 12. Pittman A. From Ostpolitik to Reunification: West German-Soviet Political Relations / A. Pittman - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - 248 p.;
 13. Rother B. Willy Brandts Außenpolitik / B. Rother - Wiesbaden: Springer, 2014. - 367 s.;
 14. Sarotte M. Dealing with the Devil: East Germany, Détente, and Ostpolitik, 1969-1973 / M. Sarotte - Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001. - 328 p.;
 15. Villaume P., Westad O. Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War, 1965-1985 / P. Villaume, O. Westad - Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2010. - 272 p.;
 16. Белов В.Б. Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и ФРГ / В.Б. Белов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 392-453.
- 2) Научные статьи:
1. Anthon C. Adenauer's Ostpolitik 1955 - 1963 / C. Anthon // World Affairs. - 1976. - № 139 (2). - P. 112-129.;
 2. Barata P. Ukraine, EU and Russia: Soft Power versus Realpolitik? [Электронный ресурс]: Janus.Net: e-Journal of International Relations. - 2014. - № 5 (1). - P. 31-47. - URL: http://observare.ual.pt/janus.net/images/stories/PDF/vol5_n1/en/en_vol5_n1_art3.pdf (accessed 12.04.2016).;
 3. Belov V. Russia-Germany: Partnership for Modernization / V. Belov // International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy & International Relations. - 2010. - № 56 (5). - P. 108-119.;
 4. Chivvis C.S., Rid T. The Roots of Germany's Russia Policy / C.S. Chivvis, T. Rid // Survival: Global Politics and Strategy. - 2009 - № 51 (2). - P. 105-122.;
 5. Cordel K., Wolff S. A Foreign Policy Analysis of the "German Question": Ostpolitik Revisited / K. Cordel, S. Wolff // Foreign Policy Analysis. - 2007. - № 3 (3). - P. 255-271.;
 6. Delcour L. Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership / L. Delcour // East European Politics. - 2013. - № 29 (3). - P. 344-357.;
 7. Delcour L. Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects / L. Delcour // Problems of Post-Communism. - 2015. - № 62 (6). - P. 316-327.;

8. Ferreira-Pereira L.C., Vieira Guedes Vysotskaya A. Ukraine in the European Union's Partnership Policy: A Case of Institutionalized Ambiguity / L.C. Ferreira-Pereira, A. Vieira Guedes Vysotskaya // *European Politics and Society*. - 2015. - № 16 (2). - P. 143-158.;
9. Formuszewicz R. Germany's Policy towards Russia: New Wine in an Old Wineskin / R. Formuszewicz // *Policy Paper*. - 2014. - № 7 (90). - P. 1-5.;
10. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia / T. Forsberg // *International Affairs*. - 2016. - № 92 (1). - P. 21 - 42.;
11. Freire M.R., Simão L. "From words to deeds": European Union democracy promotion in Armenia / M.R. Freire, L. Simão // *East European Politics*. - 2013. - № 29 (2). - P. 175-189.;
12. Handl V., Ehler T. The German Policy towards Russia – The Meaning of the Context of the European Union / V. Handl, T. Ehler // *The EU, Germany, Central Europe and Russia: determinants of the EU's foreign policy towards Russia* / ed.: B. Vesela. - Prague: Friedrich Ebert Stiftung, 2011. - P. 169 - 198.;
13. Havlik P. Vilnius Eastern Partnership Summit: Milestone in EU-Russia Relations--Not Just for Ukraine / P. Havlik // *Danube: Law and Economics Review*. - 2014. - № 1. - P. 21-51.;
14. Kleuters J. Between Continuity and Change: Ostpolitik and the Constructivist Approach Revisited / J. Kleuters // *German Politics*. - 2009. - № 18 (4). - P. 519-535.;
15. Kolodziej T. The Eastern Partnership / T. Kolodziej // *Finance: Challenges of the Future*. - 2014. - № 16. - P. 16-35.;
16. Korosteleva E.A. The European Union and Belarus: democracy promotion by technocratic means? / E.A. Korosteleva // *Democratization*. - 2016. - № 23 (4). - P. 678-698.;
17. Makarychev A., Meister S. The Modernisation Debate and Russian-German Normative Cleavages / A. Makarychev, S. Meister // *European Politics and Society*. - 2015. - № 16 (1). - P. 80-94.;
18. Martínezgarnelo y Calvo G. The Eastern Partnership as an expression of the European Neighbourhood Policy: reinforcing the European normative power with the Eastern partners / G. Martínezgarnelo y Calvo // *Eastern Journal of European Studies*. - 2014. - № 5 (1). - P. 131-143.;
19. Meister S. Entfremdete Partner: Deutschland und Russland / S. Meister // *OSTEUROPA*. - 2012. - № 62. - S. 475–484.;
20. Meister S. German Eastern Policy: Is a partnership with Poland possible? / S. Meister // *DGAPanalyse kompakt*. - 2011. - № 7. - P. 1-5.;
21. Newnham R. Economic Linkage and Willy Brandt's Ostpolitik: The Case of the Warsaw Treaty / R. Newnham // *German Politics*. - 2007. - № 16 (2). - P. 247-263.;
22. Ochmann C. Die Zukunft der Östlichen Partnerschaft aus deutscher Sicht / C. Ochmann // *The EU, Germany, Central Europe and Russia: determinants of the EU's foreign policy towards Russia* / ed.: B. Vesela. - Prague: Friedrich Ebert Stiftung, 2011. - P. 199-214.;
23. Paterson W.E. Foreign Policy in the Grand Coalition / W.E. Paterson // *German Politics*. - 2010. - № 19 (3-4). - P. 497-514.;
24. Rahr A. Germany and Russia: A Special Relationship / A. Rahr // *The Washington Quarterly*. - 2007. - № 30 (2). -P. 137-145.;

25. Rommens Th. The Eastern Partnership: civil society in between the European and domestic level: the case of Georgia / Th. Rommens // East European Politics. - 2014. - № 30 (1). - P. 54-70.;
26. Seibel W. Arduous Learning or New Uncertainties? The Emergence of German Diplomacy in the Ukrainian Crisis / W. Seibel // Global Policy. - 2015. - № 6 (1). - P. 56-72.;
27. Stent A. Berlin's Russia Challenge / A. Stent // National Interest. - 2007. - № 88. - P. 46-51.;
28. Szabo S.F. Germany's Commercial Realism and the Russia Problem / S.F. Szabo // Survival. - 2014. - № 56 (5). - P. 117-128.;
29. Timmins G. German–Russian Bilateral Relations and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the ‘Multilateral Reflex’ / G. Timmins // Journal of Contemporary European Studies. - 2011. - № 19 (2). - P. 189-199.;
30. Yoder J.A. An Intersectional Approach to Angela Merkel's Foreign Policy / J.A. Yode // German Politics. - 2011. - № 20 (3). - P.360-375.;
31. Yoder J.A. From Amity to Enmity: German-Russian Relations in the Post Cold War Period / J.A. Yoder // German Politics & Society. - 2015. - № 33 (3). - P. 49-69.;
32. Zielińska A., Longhurst K. The Eastern Partnership – Context and Reactions from a Troubled Neighbourhood/ A. Zielińska, K. Longhurst - Warsaw: COLLEGIUM CIVITAS. Forging a new European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership, 2009. - P. 29-50.;
33. Zverev A. Economic Cooperation Between Russia and Germany / A. Zverev // Problems of Economic Transition. - 2012. - № 55 (1). - P. 51-62.;
34. Абашидзе А.Х. «Восточное партнерство»: миф и реальность / А.Х. Абашидзе // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2014. - № 6 (293). - С. 77-82.;
35. Авдеенко Е.Г. Концепция «европейского мирного порядка» В. Брандта / Е.Г. Фвдеенко // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 36 (327). - С. 73-79.;
36. Белов В.Б. Российско-германские отношения перед выборами в Бундесдаг / В.Б. Белов // Современная Европа. - 2013. - № 2 (54). - С. 6-19.;
37. Вардазарян М.Е. Республика Армения перед выбором между новыми инициативами Российской Федерации и «Восточным партнёрством» Евросоюза / М.Е. Вардазарян // Вестник МГИМО Университета. - 2014. - № 1. - С. 31-36.;
38. Васильев В.И. Вилли Брандт и Россия / В.И. Васильев // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2013. - № 9 (284). - С. 115-127.;
39. Влах В.К. Проект «Восточное партнерство»: проблемы и перспективы развития на современном этапе / В.К. Влах // Власть. - 2015. - № 2. - С. 25-32.;
40. Гамзалов С.Д. Российско-германские отношения: специфика и перспективы развития / С.Д. Гамзалов // Власть. - 2010. - № 6. - С. 156-159.;
41. Гомулка К. Реализация инициатив «Восточного партнерства» в Азербайджане / К. Гомулка // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - т. 7. - № 7 (1). - С. 46-55.;
42. Кузнецова Е.С. Вилли Брандт и проблема примирения ФРГ со странами Восточной Европы в 1970-е годы / Е.С. Кузнецова // Белые пятна российской и мировой истории. - 2012. - № 1. - С. 114-124.;

43. Павлов Н. Москва-Берлин-Брюссель: от трилатерализма к билатерализму? / Н. Павлов // Современная Европа. - 2014. - № 4 (60). - С. 106-110.;
44. Павлов Н.В. Россия-Германия: исчерпан ли потенциал политического сотрудничества? / Н.В. Павлов // Современная Германия: экономика и политика / под ред. В.Б. Белова. - М.: Весь Мир, 2015. - С. 609-616.;
45. Русяева И., Батулин Л.М. Российско-германские отношения и их влияние на эволюцию стратегической стабильности / И. Русяева, Л.М. Батулин // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. - 2015. - № 1. - С. 81-93.;
46. Стрелец М.В. Российский вектор внешней политики второго правительственного кабинета А. Меркель в ФРГ: некоторые аспекты истории / М.В. Стрелец // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. - 2015. - № 1 (46). - С. 58-73.;
47. Шабельникова О.В. Сотрудничество Азербайджанской Республики и Европейского союза в рамках программы «Восточное партнерство» / О.В. Шабельникова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2014. - № 2 (39). - С. 350-357.
- 3) Материалы СМИ:
1. Ewing J., Smale A. In reversal, Germany cools to Russian investment [Электронный ресурс]: The New York Times, 2014. - URL: http://www.nytimes.com/2014/12/29/business/international/in-reversal-germany-cools-to-russian-investment.html?_r=0 (accessed 30.03.2016).;
 2. Gas-Pipeline "Nord Stream": EU-Kommission stellt sich gegen Bundesregierung [Электронный ресурс]: Spiegel Online Wirtschaft, 2016. - URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/nord-stream-eu-kommission-gegen-gas-pipeline-aus-russland-a-1076758.html> (accessed 03.04.2016).;
 3. Gathman Fl. Schwierige Präsidenten-Beziehung: Gaucks Putin-Problem [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2012. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/praesident-gauck-geht-russlands-staatsoberhaupt-putin-aus-demweg-a-852531.html> (accessed 20.03.2016).;
 4. Müller P. Gespräch in Brisbane: Merkel verliert die Geduld mit Putin [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/g20-gipfel-merkel-wirft-putin-wegen-ukraine-expansionsstrebenvor-a-1003107.html> (accessed 27.03.2016).;
 5. Siemens CEO meets Putin and commits company to Russia [Электронный ресурс]: Financial Times, 2014. - URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6d774238-b506-11e3-a746-00144feabdc0.html#axzz45fCe9I8b> (accessed 30.03.2016).;
 6. Weiland S. Georgien, Moldau, Tunesien: Steinmeier und Fabius auf gemeinsamer Krisen-Mission [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/steinmeier-und-fabius-besuchen-georgien-moldau-und-tunesien-a-965601.html> (accessed 11.04.2016).;

7. Wittrock Ph. Merkel-Besuch in Chisinau: Auf ein Gläschen nach Moldau [Электронный ресурс]: Spiegel Online Politik, 2012. - URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/merkel-in-moldau-ringen-um-den-transnistrien-konflikt-a-851524.html> (accessed 11.04.2016).;
8. Wittrock Ph., Schmitz G.P. Crimean Crisis: All Eyes on Merkel [Электронный ресурс]: Spiegel Online International, 2014. - URL: <http://www.spiegel.de/international/world/angela-merkel-plays-central-role-in-russia-diplomacy-over-crimea-a-956834.html> (accessed 12.04.2016).;
9. Демидова О. Ангела Меркель пообещала содействие в урегулировании карабахского конфликта [Электронный ресурс]: Deutsche Welle, 2010. - URL: <http://goo.gl/vmOLSI> (дата обращения: 15.04.2016).